

ИЗ ИСТОРИИ ФИЗИКИ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Физика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 68–98
Izvestiya of Saratov University. Physics, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 68–98
<https://fizika.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1817-3020-2023-23-1-68-98>, EDN: WIJAUS

Научная статья
УДК 51(091):51(092):53(091):53(092)

Саратовские годы братьев Бориса и Глеба Гнеденко

В. М. Аникин¹✉, Д. Б. Гнеденко², М. А. Федорова³

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

³Саратовское региональное отделение Фонда социального страхования РФ (СРО ФСС), филиал № 5, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Вавилова Н. И., д. 1/7

Аникин Валерий Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой общей, теоретической и компьютерной физики, AnikinVM@sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6506-6997>, Author ID 166229

Гнеденко Дмитрий Борисович, кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры теории вероятностей, dmitry@gnedenko.com, Author ID 103860

Федорова Марина Андреевна, главный специалист-ревизор филиала № 5 СРО ФСС РФ, mafedorova@mail.ru

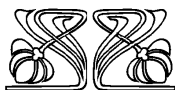
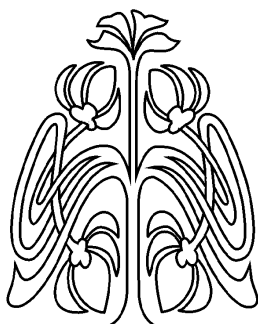
Аннотация. Цель статьи – отражение страниц истории физико-математического образования в Саратове в 1920–1930 гг. в «лицах» – на примере биографий братьев Глеба Владимировича Гнеденко (01.11.1909–27.10.1943) и Бориса Владимировича Гнеденко (01.01.1912–27.12.1995). Мотивом переезда в апреле 1925 г. семья Гнеденко в Саратов стало желание родителей дать детям хорошее образование. Глеб Гнеденко получил диплом Саратовского педагогического института в 1932 г. Борис Гнеденко в 15-летнем возрасте в 1927 г. поступил на физико-техническое отделение педагогического факультета Саратовского университета и досрочно его окончил в 1930 г. За годы обучения талантливые братья Гнеденко выделялись целеустремленностью к знаниям, желанием помогать своим товарищам.

В статье рассказывается о семье Гнеденко, об истории физико-математического и педагогического образования в СУ в предвоенные годы, прослеживаются судьбы братьев Гнеденко.

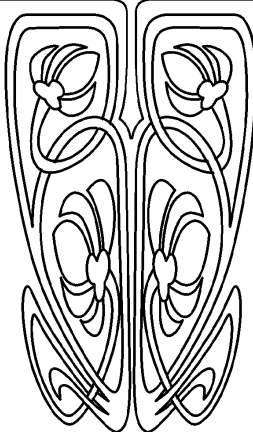
Глеб Владимирович Гнеденко после окончания аспирантуры Педагогического института имени К. Либкнехта в Москве (1937) и работы в Тюменском педагогическом институте (1937–1939) вернулся в Саратов, где работал в 1939–1941 гг. в Саратовском педагогическом институте и Немецком педагогическом институте (г. Энгельс). С началом Великой Отечественной войны был призван в ряды Красной Армии. Героически погиб в октябре 1943 г. при форсировании Днепра. Его имя занесено в Саратове на обелиск памяти преподавателей педагогического института, не вернувшихся с войны.

Борис Владимирович Гнеденко – выдающийся математик, работавший в области теории вероятностей и ее приложений. Он является создателем мощных научных школ по теории вероятностей и математической статистике, теории массового обслуживания, теории надежности. Его учебник «Курс теории вероятностей» на протяжении десятилетий является мировым бестселлером. Б. В. Гнеденко стоял у истоков создания вычислительной техники в Советском Союзе. Он глубоко разбирался в вопросах истории, методологии и философии математики. Общее число научных, методических и популярных публикаций Б. В. Гнеденко – 1300 (с переизданиями).

Братья Гнеденко были людьми духовной щедрости, простыми в общении, скромными и вместе с тем твердыми и принципиальными в отстаивании своих взглядов и убеждений.

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ
ЛЕТОПИСЬ

С позиции истории физико-математического образования в Саратове биографии братьев Гнеденко могут рассматриваться как содержательные свидетельства деятельности педагогического и физико-математического факультетов Саратовского университета и Саратовского пединститута в 1920–1930-е годы.

В статье использованы семейные архивы, воспоминания как самого Б. В. Гнеденко, так и его учеников, материалы по истории Саратовского университета.

Ключевые слова: Глеб Владимирович Гнеденко, Борис Владимирович Гнеденко, СГУ имени Н. Г. Чернышевского, Саратовский педагогический институт

Для цитирования: Аникин В. М., Гнеденко Д. Б., Федорова М. А. Саратовские годы братьев Бориса и Глеба Гнеденко // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Физика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 68–98. <https://doi.org/10.18500/1817-3020-2023-23-1-68-98>, EDN: WIJAUS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Saratov life of brothers Boris and Gleb Gnedenko

V. M. Anikin¹✉, D. B. Gnedenko², M. A. Fedorova³

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov, 410012, Russia

²Lomonosov Moscow State University, GSP-1 Leninskie gory, Moscow 119991, Russia

³Saratov Regional Branch of the Social Insurance Fund of the Russian Federation (SRO FSS), branch No. 5, 1/7 N. I. Vavilov St., Saratov 410012, Russia

Valery M. Anikin, AnikinVM@sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6506-6997>, Author ID 166229

Dmitry B. Gnedenko, dmitry@gnedenko.com, Author ID 103860

Marina A. Fedorova, ma-fedorova@mail.ru

Abstract. Background and Objectives: The purpose of the paper is to reflect on the development of physical and mathematical education in Saratov in 1920–1930 using the biographies of the Gnedenko brothers, Gleb V. Gnedenko (1909–1943) and Boris V. Gnedenko (1912–1995).

In April 1925, the Gnedenko family moved to Saratov motivated by the parents' desire to give their children good education. In 1932, the older brother, Gleb Gnedenko, received a diploma from the Saratov Pedagogical Institute. The younger brother, Boris Gnedenko, entered the Physics and Technology Department of the Pedagogical Faculty of Saratov University in 1927, at the age of 15, and graduated in 1930, well ahead of the schedule. Over the years of learning, the talented Gnedenko brothers stood out for their dedication to knowledge and their desire to help their classmates. Gleb Gnedenko, after completing his postgraduate studies at the K. Liebknecht Pedagogical Institute in Moscow and working at the Tyumen Pedagogical Institute, returned to teaching in Saratov, where he had worked at the Saratov Pedagogical Institute and at the German Pedagogical Institute (Engels city). With the beginning of the Great War II, he was enlisted into the Soviet Army and died heroically in October 1943 while crossing the Dnieper River in Ukraine. In Saratov city, his name is listed on the obelisk in memory of the Pedagogical Institute's lecturers who did not return from the war. Boris V. Gnedenko was an outstanding mathematician who worked in the field of probability theory and its applications. He is known for his achievements in the probability theory and mathematical statistics, the queuing theory, and the reliability theory. He was an expert in history, methodology and philosophy of mathematics. His book "A Course in Probability Theory" has been a worldwide bestseller for decades. Boris V. Gnedenko stood at the origins of the creation of computer technology in the former Soviet Union. His total number of scientific, methodological, and popular publications is close to 1300.

Materials and Methods: The article uses family archives, Boris V. Gnedenko's memoirs, and his students' recollections, as well as the archive materials on the history of the Saratov State University.

Conclusion: The Gnedenko brothers were people of great spiritual generosity, modesty, and chivalrous quality. They were being easy to communicate with and at the same time firm and principled in defending their views and beliefs. The brothers' personal life and professional activities reflect very well the character and history of the pedagogical, physical, and mathematical departments at the Saratov University and at the Saratov Pedagogical Institute in the 1920s–1930s.

Keywords: Gleb V. Gnedenko, Boris V. Gnedenko, Saratov State University, Saratov Pedagogical Institute

For citation: Anikin V. M., Gnedenko D. B., Fedorova M. A. Saratov life of brothers Boris and Gleb Gnedenko. *Izvestiya of Saratov University. Physics*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 68–98 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-3020-2023-23-1-68-98>, EDN: WIJAUS

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Введение

Во дворике 13-го корпуса Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского (здания, в котором ранее располагался Саратовский педагогический институт) установлен обелиск памяти сотрудников пединститута, павших в боях Великой Отечественной войны. История этого скромного мемориала

описана в книге «В нашей памяти их имена: In memoriam», подготовленной к 75-летней годовщине Великой Победы [1]. Обелиск был открыт 9 Мая 1970 г. Об этом сообщала небольшая заметка «Одетые в мрамор» в Саратовской областной газете «Заря молодёжи» от 16 мая 1970 г. (автор – студент Р. Муйдинов):

«Во Дворе педагогического института собрались ветераны Отечественной войны, преподаватели и студенты. Здесь состоялось торжественное открытие обелиска памяти павших в боях за Родину. Митинг открыл ректор института М. С. Кобзев. Затем выступили участники войны, преподаватели, студенты. Минута молчания... Звучит Гимн Советского Союза, открывается обелиск, одетый в мрамор».

Современный вид обелиска передают фотографии, сделанные летом 2022 г. Обелиск не значится в реестре культурного наследия Саратовской области. Его благоустройством и сохранением занимается Саратовский университет при волонтерской поддержке со стороны гимназии № 1 г. Саратова.

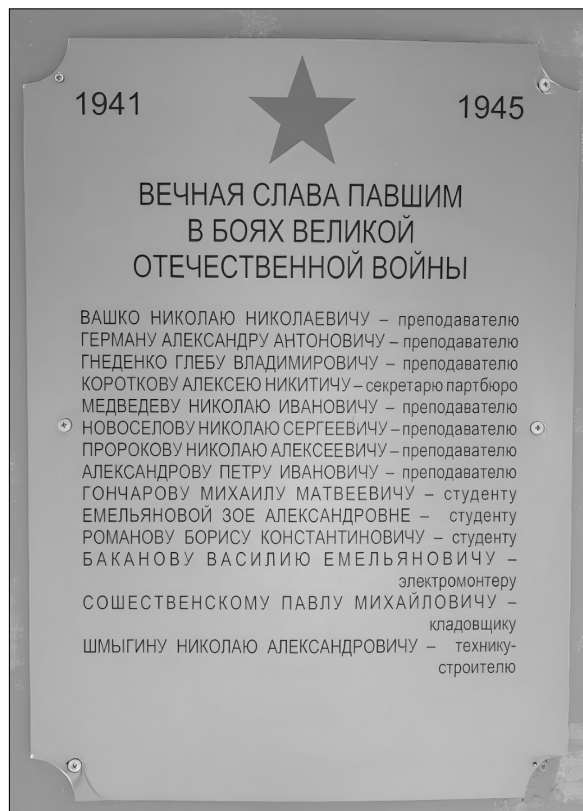
Среди 14 имен, указанных на обелиске, названо имя Глеба Владимировича Гнеденко, преподавателя Саратовского педагогического института и Немецкого государственного педагогического института (г. Энгельс). Его биографию можно проследить по семейному архиву и книге воспоминаний [2] его брата – академика Бориса Владимировича Гнеденко, создателя всемирно известных научных школ в области теории вероятностей и математической статистики, теории массового обслуживания и теории надежности.

Общий вид обелиска памяти сотрудников Саратовского педагогического института (2022)

General view of the obelisk in memory of employees of the Saratov Pedagogical Institute (2022)

Важные страницы жизни семьи Гнеденко связаны именно с Саратовом, который стал тем городом, где оба брата завершили среднее и получили высшее образование, а также обрели собственные семьи. Потомки Глеба Владимировича Гнеденко живут в Саратове до настоящего времени.

Памятная доска с перечнем имен сотрудников, погибших на фронте в годы Великой Отечественной войны (2022)
Commemorative plaque with a list of names of employees who died at the front during the Great Patriotic War (2022)

Статья содержит краткие жизнеописания Б. В. и Г. В. Гнеденко. Направление жизни обоих братьев определяли не только стремление стать образованными людьми, работать на научно-техническом поприще, но и «широкая мечта быть достойным человеком, семьянином, гражданином», по выражению Марины, правнучки Глеба Владимировича.

При написании статьи использованы биография и библиография Б. В. Гнеденко [3], семейные архивы двух ветвей Гнеденко, воспоминания Бориса Владимировича, отраженные в книге «Моя жизнь в математике и математика в моей жизни» [2] и других источниках [4; 5, с. 53, 54; 6, 7], воспоминания о нем его учеников [8]. Воспоминания Б. В. Гнеденко, сохранившиеся в аудиозаписях [4], дают представление

о Борисе Владимировиче как об изумительном рассказчике.

Содержание статьи логически вписывается в серию публикаций [9–16], посвященных физико-математическому и педагогическому факультетам Саратовского университета, являясь хронологически естественным дополнением и продолжением публикаций [12–14]. На примере конкретных биографий братьев Гнеденко иллюстрируется мозаичная картина высшего физико-математического образования в Саратове (да и в стране в целом) в 1920–1930-х годах.

Семья Гнеденко: в пути за знаниями

В воспоминаниях Бориса Владимировича Гнеденко (Б. В. – так по-дружески коллеги и ученики привыкли называть его между собой) есть замечательная фраза: «Родители постоянно думали о нашем образовании» [2, с. 28]. Родители – это Владимир Васильевич Гнеденко (1886–1939), работавший землемером после окончания землеустроительного училища, и Марья Степановна Гнеденко (1886–1961), окончившая прогимназию (семилетнее училище), где получила музыкальную специальность (фортепьяно) и право преподавать музыку. Работала в школах. Их дети родились в Симбирске: Глеб – 1 ноября 1909 г., Борис – 1 января 1912 г.

Владимир Васильевич Гнеденко мечтал получить математическое образование в Казанском университете, и семья в конце лета 1915 г. переехала из Симбирска в Казань, где глава семейства поступил в университет. В доме появились книги математического содержания.

Первое время старший брат играл для младшего роль первого учителя, приобщавшего его к первым школьным премудростям. Борис Владимирович вспоминал:

«...Осенью [1916 года] старший брат Глеб начал учиться в первом классе гимназии. Я был горд тем, что мой брат уже учится, и готов был часами проводить время около него, когда он готовил уроки. Так я выучил азбуку и научился писать буквы. Только букву «б» я писал в зеркальном отражении. Позднее учителю и родителям пришлось потратить большие усилия, чтобы приучить меня к правильному написанию и этой буквы. Но общение с обучающимся братом позволило мне научиться читать до школы

и приобщиться к книге как к другу и мудрому собеседнику» [2, с. 16].

Семья Гнеденко (слева направо): Борис, Марья Степановна, Владимир Васильевич, Глеб (1916, публикуется впервые)

The Gnedenko family (from left to right): Boris, Marya Stepanovna, Vladimir Vasilyevich, Gleb (1916, published for the first time)

Весной 1918 г. в ложном доносе одного из коллег Владимиру Васильевичу Гнеденко приписывалась организация контрреволюционных сборищ. Он был арестован и более полугодом провел в концлагере под Казанью. Его освободили, когда обвинитель, зарившийся на его место, сбежал к белым, а сослуживцы дали самые положительные отзывы. Но здоровье его было сильно подорвано (тяжелая форма малярии), сил на учебу не хватало, и он был вынужден оставить студенческую скамью. Тем не менее, у Владимира Васильевича сложились хорошие личные отношения с двумя профессорами-математиками – Николаем Николаевичем Иовлевым¹ и Серапионом Петровичем Слугиновым².

¹Иовлев Николай Николаевич родился в 1881 г. Выпускник Казанского университета, магистр чистой математики. Приват-доцент Казанского университета, в послереволюционное время – профессор различных вузов, в том числе Московского областного педагогического института. В Генеральном алфавитном каталоге книг на русском языке (1725–1998) Российской национальной библиотеки значатся 19 изданий методических пособий Н. Н. Иовлева по математике, изданных в 1905–1950 гг. URL: https://nlr.ru/e-case3/sc2.php/web_gak/lc/36413/1 (дата обращения: 18.07.2022).

²Слугинов Серапион Петрович – в 1910–1920 гг. приват-доцент Казанского университета. См.: *Сорокин М. П.* Слугинов Серапион Петрович (1879–?) // Профессора Пермского государственного университета. Пермь: Издательство Пермского уни-

Осенью 1918 г. в первый класс пошел младший брат Борис³. Сейчас с удивлением воспринимается фраза из воспоминаний Б. В.: «Все бы хорошо, если бы не было арифметики. Я действительно не любил арифметику, хотя складывал, вычитал, умножал и делил совсем неплохо. Я увлекался поэзией» [2, с. 22].

4 апреля 1922 г. Владимира Васильевича Гнеденко вновь арестовывают, он более трех месяцев проводит в тюрьме ГПУ, но 12 июля освобождают. Оставаться в такой ситуации в Казани было опасно, и семья в конце лета переезжает в Галич Костромской области (М. С. Гнеденко была родом из Костромы). Здесь Владимир Васильевич начинает работать старшим землеустроителем и излечивается от малярии. Квартиру (точнее, две комнаты из четырех) семья получила, а вот в школу дети не попали из-за заполненности классов. Чтобы сыновья не отстали, Марья Степановна в течение года вела домашние занятия по программе пятого класса для обоих братьев, поскольку практически весь предшествовавший год Глеб проболел. В итоге братья с осени 1923 г. стали учиться вместе в одном (шестом) классе, но сидели за разными партами. Как вспоминал Борис Владимирович, «преподаватели были хорошие, в подавляющем своем большинстве учительствовавшие еще до революции в гимназии, в здании которой и помещалась наша школа» [2, с. 24].

А весной 1925 г. родители приняли окончательное решение о переезде в университетский город. Из трех кандидатов (Саратов, Ростов-на-Дону, Воронеж) «победил» Саратов. Здесь главе семейства предложили и работу по специальности, и квартиру (две комнаты из пяти) в доме Саратовского губернского земельного отдела на перекрестке улиц Ленинской⁴ и Вольской (три окна квартиры Гнеденко выходили на Ленинскую улицу и одно окно – на Вольскую)⁵.

Заботы, связанные с поступлением на учебу, завершились выбором школы № 3, с квалифицированным преподавательским составом из бывшего реального училища, и зачислением в класс 7-г. Саратовская жизнь и годы учебы

в школе подробно описаны в воспоминаниях Б. В. Гнеденко [2, с. 29–33]. В начальный период учебы братья Гнеденко на своем примере показали, насколько эффективными могут быть серьезные самостоятельные занятия. Дело в том, что они первое время отставали по математике и химии из-за разницы в школьных программах в Галиче и Саратове. Им даже были назначены осенние переэкзаменовки. Но за лето мальчики добились удивительного эффекта. Борис Владимирович вспоминал:

Дом в Саратове, в котором жила семья Гнеденко, фото 1930-х гг.

The house in Saratov where the Gnedenko family lived, photo 1930s

«Мы сумели продумать весь материал по математике и по химии, прорешать по многу десятков задач, и осенью, благодаря этому, переэкзаменовка прошла благополучно. Более того, химия и математика стали восприниматься совершенно свободно, задачи не вызывали никаких трудностей, и я начал решать задачи сразу в уме, как только узнавал условие. По математике и химии я выдвинулся в число первых учеников класса. Одноклассники стали обращаться ко мне за помощью. Математика стала мне нравиться.<...> Мне нравилось учиться, дополнительно читать книги, решать нестандартные задачи.<...> **Я отдавал себе отчет в том, что хочу учиться дальше и буду добиваться этого права**» (выделено нами. – Авторы) [2, с. 30–33].

верситета, 2001. С. 106; Яковлев В. Н. Из истории физико-математического факультета ПГУ (1916–1960) // Вестник Пермского университета. Математика. Механика. Информатика. 2010. Вып. 3. С. 4–15 (о Слугинове – с. 11).

³Первый месяц Борис обучался в гимназии Самойловых (была закрыта), запомнившейся ему внимательностью и доброжелательностью педагогов и формой организации занятий.

⁴Московская улица Саратова ведет историю с 1674 г. С 1924 г. именовалась как Ленинская улица, с 1959 г. – как проспект Ленина. Историческое название улицы – Московская – возвращено в 1991 г.

⁵Построенный в 1882 г. доходный дом А. А. Ананьиной (Московская, 106/Вольская, 97) признан памятником градостроительства и архитектуры регионального значения (Постановление Правительства Саратовской области № 659-П от 25.12.2009). См.: URL: <https://ru-monuments.toolforge.org/wikivoyage.php?id=6430635000> (дата обращения: 18.07.2022).

В школьные годы братья убедились в том, что пробуждение любопытства и интереса к какому-то разделу науки или техники посредством какой-нибудь неожиданной для обучающегося интриги – это работающее универсальное правило педагогики. Борис, например, завидовал своему товарищу по дому и школе Шуре Сперанскому, что у них математику вел преподаватель, который на каждое занятие приходил с какой-то новинкой – «то предлагал задачу, которую может решить не каждый, а лишь тот, кто умеет думать, то заявлял, что даст такое доказательство очередной теоремы, которого не сыскать ни в одном учебнике» [2, с. 32]. Такие занятия не были уныло серыми, строго «по Киселеву», на уроках царила праздничная атмосфера.

На всю жизнь Б. В. Гнеденко запомнился случай, когда во втором классе новый учитель, студент физико-математического факультета Казанского университета, при разговоре о единице вдруг сказал, что кроме этой единицы существует еще одна, так называемая мнимая единица. Ее особенность состоит в том, что при умножении самой на себя она дает минус единицу. Б. В. признавался:

«Мы ничего не поняли, но сам рассказ засел в памяти. Значительно позднее, уже став преподавателем, я сделал для себя вывод: ученикам нужно доступно сообщать и такие сведения, кото-

рые, быть может, опережают их знания, но могут подействовать на воображение и вызвать интерес. Впоследствии мне неоднократно приходилось сталкиваться с моими бывшими слушателями, которые напоминали мне о проблемах, которые я выдвигал на лекциях. Вспоминая их через 10–15 лет, они начинали ими заниматься и получали новые ценные результаты» [2, с. 20].

Запомнил Борис Владимирович и рассказ своего отца о том, что среди преподавателей землеустроительного училища, в котором тот учился, был один, который вел предмет «Земельные законы», считавшийся формальным и неинтересным. Однако преподаватель так проводил свои занятия, что слушатели были очарованы. Б. В. писал:

«Этот рассказ пробудил в моем сознании мысль, что **нет неинтересных предметов, а есть неинтересный человек, который формально относится к делу и не вызывает энтузиазма у окружающих** (выделено нами. – Авторы). Для того чтобы предмет заблестал, проявил себя во всей красе, необходим человек, который способен пробудить интерес к предмету, показать его особенности, его важность для жизни общества, возбудить в слушателях энтузиазм. <...> В моем сознании возникла мысль о том, как бы приобрести дар интересного рассказчика, что для этого следует делать?» [2, с. 25, 26].

Если Борису нравилось решать нестандартные задачи, читать книги, то Глеб отличался

Здание 3-й советской школы, в которой учились братья Гнеденко в 1925–1927 гг.
The building of the 3rd soviet school, where the Gnedenko brothers studied in 1925–1927

ярко выраженными техническими склонностями. Б. В. писал:

«У моего брата был талант техника и золотые руки. Он готов был часами мастерить детекторный приемник или вникать в хитрости устройства поломанного замка, часов, прибора и при весьма ограниченных возможностях находил способ привести испорченные вещи в порядок. Это доставляло ему истинное наслаждение. Соседи по дому знали эту страсть моего брата и приносили разные вещи, нуждающиеся в починке. Как правило, их надежды оправдывались. К нему пришла слава мастера. Я впервые в жизни столкнулся с таким ярко выраженным талантом, конечно, требовавшим поддержки. К сожалению, в ту пору не было у нас ни Дома юного техника, ни чего-либо подобного, где подростки могли бы развивать свои способности» [2, с.32].

Увлечение физикой и техникой поглощало все время Глеба Гнеденко. Б. В. свидетельствовал:

«Брату не хватало времени на приготовление уроков, и нередко по пути в школу он просил меня рассказать о том, что было задано по литературе и математике. Ни литература, ни история, ни математика его не интересовали. Химия не представляла для него трудностей. **К физике же относился с трепетом и любовью** (выделено нами. – Авторы). Он как будто заранее знал формулировки физических законов» [2, с. 32].

В июне 1927 г. братья Гнеденко окончили школу-девятилетку и все лето серьезно готовились к вступительным экзаменам в вузы, имея в виду и физико-техническое отделение педагогического факультета СГУ, где велась подготовка по математике и физике. В ту пору Борису было 15 лет, а действовавшими правилами приема в вузы предполагалось достижение поступающими 17-летнего возраста. Эту ситуацию Борис предусмотрительно начал разрешать заранее, когда в Саратов в начале апреля для знакомства с работой университета, музеев и школ города, а также чтения лекций прибыл народный комиссар просвещения А. В. Луначарский. Приемная

наркома располагалась в гостинице «Астория», куда юноша и передал свое заявление с просьбой разрешить ему поступление в 15 лет. Секретарь наркома обнадружила обязательным ответом. Но время шло, а ответ не приходил. Когда Борису отказали в приеме в Ленинградском кораблестроительном институте⁶, он еще дважды послал заявления в Наркомпрос. В августе, наконец, пришел ответ, который допускал неоднозначную трактовку: «Вам разрешается поступать в вузы на общих основаниях».

Внесение нововведений в правила приема в вузы в 1927 г. (по сравнению с предыдущим годом) диктовалось осознанием вредности принципа приема в вузы посредством жесткого распределения (разверстки, как тогда говорили) числа поступающих между организациями, имевшими право направления (командирования) на учебу в вузы⁷. При подобном подходе в должной мере не учитывался уровень подготовки абитуриентов⁸. В 1927 г. обязательная разверстка была *исключена*, правда, с сохранением привилегий для разных категорий лиц по классовому признаку. Но 40% мест в провинциальных вузах предоставлялось людям, поступавшим самостоятельно – по заявлениям в приемные комиссии со сдачей вступительных экзаменов.

В случае с Б. Гнеденко в приемной комиссии СГУ поначалу за главное «общее основание» считали возраст поступающего. И поэтому ему опять отказали в приеме документов. Но не тут-то было. Борис посылает в Наркомпрос телеграмму с просьбой разрешить поступать ему именно в Саратовский университет. В канун вступительных экзаменов пришел, наконец, четкий положительный ответ. Со всеми экзаменами Борис Гнеденко «расправился» играючи на «отлично»: так, задания по математике он выполнил за 10 минут, а на устном экзамене по литературе его, большого её знатока и любителя, спросили, а не ошибся ли он с выбором факультета.

⁶Б. В. Гнеденко признавался: «У меня была другая мечта – кораблестроительный институт. Я не знаю, откуда пришла эта страсть, поскольку среди наших знакомых не было ни моряков, ни кораблестроителей. Но мечта о создании изящных, быстрых кораблей у меня появилась. По-видимому, сказала давняя любовь к географии, чудесные повести Станюковича о красавцах-парусниках, а также поразительные произведения Н. Г. Гарина-Михайловского «Студенты» и «Инженеры» [2, с. 33]. «Морская тема» была «симпатична» Б. В. всю жизнь. Думается, он не случайно хорошо запомнил популярную лекцию В. В. Голубева, посвященную катастрофам на море, прочитанную им осенью 1927 г. на основе специально собранных данных. Осталась в памяти Б. В. и другая популярная лекция В. В. Голубева – о геометрических вероятностях. И сохранилось общее прекрасное впечатление от лекций Голубева (см. [2, с. 37]).

⁷К «разверстке» добавлялись также льготы для различных категорий населения по классовому подходу. См.: *Геворкян Е. Н., Правкина И. А., Усанов Д. А.* Прием в вузы России. Как это было и что будет. 3-е изд., доп. и перераб. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2008. С. 13–15.

⁸Аналогичная проблема возникает и при организации *целевого приема* в наши дни. См.: *Елина Е. Г., Аникин В. М.* Целевое обучение: социальные риски и их преодоление // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 373–377. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-373-377>

А потом выяснилось, что в тот год без шума и бюрократической канители в университет были приняты двое пятнадцатилетних детей сотрудников. Молва тут же окрестила Бориса Гнеденко «племянником Луначарского».

И всю последующую жизнь настойчивость Б. В. Гнеденко при решении проблем, когда он был уверен в своей правоте, поражала окружающих. Как отмечал его ученик Владимир Семёнович Королёк (1925–2020), «никто, даже враги, не могли устоять перед убедительными аргументами Б. В. <...> Потрясал противников Б. В. его сарказм и находчивость в дискуссии» [8, с. 37].

К большому сожалению, в период приемных экзаменов Глеб Гнеденко заболел скарлатиной и не смог участвовать во вступительных испытаниях.

Борис Гнеденко: учеба в Саратовском университете

Структура и учебные планы физико-технического отделения педагогического факультета СГУ. Педагогический факультет Саратовского университета был организован в 1922 г. на основе ранее существовавших физико-математического и историко-филологического факуль-

тетов и Института народного образования [9–11, 13]. Задачей факультета ставилась «подготовка педагогов по различным общеобразовательным предметам (циклом) для школ повышенного типа, рабочих факультетов и техникумов» [17, с. 4]. К 1927 г. факультет состоял из 6 отделений, включающих 22 кафедры и 31 «учебно-вспомогательное учреждение» [17]. Физико-техническое отделение включало 4 кафедры – математики, механики, физики, астрономии и геодезии, а также Физический институт (с Коллекцией физических приборов), кабинеты математики, механики, астрономии.

С 1927 г. в вузах страны вводились новые учебные рабочие планы утвержденные Государственным Ученым Советом (ГУС) и Главным комитетом профессионально-технического образования (Главпрофобром), руководящими структурами СССР в области образования в довоенные годы. Учебный план физико-технического отделения педагогического факультета СГУ имел «практическую» направленность – «уклон сельскохозяйственный» [17]. Дисциплины этого плана для физико-технического отделения педагогического факультета Саратовского университета скомплектованы по блокам (модулям) в табл. 1, 2.

Таблица 1

Дисциплины и модули учебного плана физико-технического отделения педагогического факультета СГУ на 1927/1928 учебный год

Модули, дисциплины	Учебная нагрузка в неделю, ч					
	Курсы					
	1-й	2-й	3-й	4-й	5-й, 1-й семестр	5-й, 2-й семестр
Основные дисциплины и модули дисциплин						
Математика и механика	10	12	14	8	4	
Физика	4	8	6	4	8	
Астрономия и геодезия	–	0	4	6	–	
Химия	4	0	2	–	–	
Педагогические дисциплины	4	8	8	12	4	
Иностранный язык	2	2	–	–	–	
Общественно-политические дисциплины	8	2	3	–	–	
Сельское хозяйство	2	2	2	–	–	
Всего	34	34	39	30	16	
«Факультативы»						
Военные дисциплины	2	2	1	1	–	
Ручной труд	2	2	–	–	–	
Квалификационная работа						
Квалификационная работа						+

Таблица 2

Содержание модулей учебного плана физико-технического отделения педагогического факультета СГУ (учебный план 1927 г.)

Модуль	Дисциплины модуля
Математика и механика	Математический анализ (дифференциальное и интегральное исчисление), аналитическая геометрия, начертательная геометрия с элементами проекционного черчения, механика (теоретическая), высшая алгебра, теория чисел, теория вероятностей, дифференциальные уравнения, теория поверхностей, теория функций комплексного переменного, вариационное исчисление, уравнения с частными производными, элементарная математика с точки зрения высшей математики (по выбору)
Физика	Физика, включая метеорологию (механика, гидростатика, гидродинамика, термодинамика, акустика, оптика, физическая оптика, электричество); основы теории электромагнитного поля, кинетическая теория (по выбору), специальные альтернативные (по выбору студента) дисциплины (основы электротехники и радиотехники, силовые установки); современные физические теории (строение атома)
Астрономия и геодезия	Теоретическая астрономия, описательная астрономия, геодезия
Иностранный язык	Французский, английский, немецкий (по выбору)
Педагогические дисциплины	Основы педологии (анатомия, физиология, психология), возрастная педология (отроческий и юношеский возраст), педагогика, методика физико-математического цикла
Общественно-политические дисциплины	История рабочего движения в России в связи с историей ВКП(б) и основами ленинизма, политическая экономия, система народного образования в СССР, введение в политпросветработу, основы государственного и хозяйственного права в СССР в связи с учением Ленина о государстве, советское государство и экономическая политика, исторический материализм с основами диалектического материализма, профдвижение
Сельское хозяйство	Основы сельскохозяйственного производства, сельскохозяйственное машиностроение

Учебный план дополняли программы отдельных дисциплин. Соответствующие занятия по математическим и физическим дисциплинам велись профессорами Владимиром Васильевичем Голубевым, заведующим кафедрой (чистой) математики [12–14]; Георгием Николаевичем Свешниковым, заведующим кафедрой механики [9, 10, 13, 15, 16]; Иосифом Федоровичем Полаком, заведующим кафедрой астрономии и геодезии [11]; Константином Александровичем Леонтьевым [9, 10, 15, 16], заведующим кафедрой физики; доцентом Георгием Петровичем Боевым, выпускником кафедры чистой математики физико-математического факультета 1921 г. [9, 10]⁹.

В списках рекомендуемой литературы в программах дисциплин стояли свежие по тому времени учебники, написанные московскими

учителями саратовских профессоров – Н. Ф. Егоровым (в 1923 г. в Госиздате вышли сразу три его книги: «Дифференциальная геометрия», «Основания вариационного исчисления». «Теория чисел»), Б. К. Млодзеевским («Основы аналитической геометрии на плоскости», 1923), Л. К. Лахтиным («Курс теории вероятностей», 1924), а также самими профессорами педагогического факультета – И. И. Приваловым («Введение в теорию функций комплексного переменного», 1927), И. Ф. Полаком («Строение звездного мира», 1923; «Происхождение вселенной», 1926).

В реальности учебный план для физико-технического отделения в период обучения Б. В. Гнеденко был скомкан – вместо 5 лет студенты учились 3 года. Об этом будет еще сказано ниже. А сейчас передадим поистине драгоценные воспоминания-впечатления Бориса Владимировича,

⁹Боев Георгий Петрович (1898–1959) – выпускник физико-математического факультета СГУ (1921), с 1924 г. – доцент СГУ. В 1930–1934 гг. – заведующий кафедрой математики Иваново-Вознесенского текстильного института, в 1934–1937 гг. заведующий кафедрой математики физико-математического факультета СГУ, в 1937–1945 гг. – заведующий кафедрой математического анализа физико-математического факультета СГУ; в 1945–1959 гг. – заведующий кафедрой математического анализа механико-математического факультета СГУ. Основные научные труды в области аналитических и автоморфных функций. Автор работ по истории математики. При содействии Б. В. Гнеденко написал учебное пособие «Теория вероятностей» (1950). Первый научный руководитель Вычислительного центра СГУ.

Большая физическая аудитория III корпуса (Физического института) Саратовского университета, начало 1930-х гг. (фото В. И. Калинина)

The Large Physics Auditorium of the III Building (Physical Institute) of Saratov State University, early 1930s (photo by Venedikt I. Kalinin)

рисующие жизнь на педагогическом факультете СГУ в конце 1920-х годов.

Преподаватели. Воспоминания об университетских годах Б. В. начинается словами:

«Первую лекцию читал нам профессор Владимир Васильевич Голубев. После его лекции мы вышли потрясенные до глубины души. Отточенный и четкий язык, увлекательное изложение, доступность речи, стремление быть понятым и услышанным в любой точке большой аудитории, широкая картина предстоящего предмета – аналитической геометрии. Так же красиво, элегантно он читал и последующие лекции. Он не искал слова, нужное слово в соответствующий момент как бы срывалось с его языка. Он сделался нашим кумиром, и мы, не сознавая этого, стали ему подражать» [2, с. 36].

К характеристике В. В. Голубева как яркого лектора и прекрасного организатора Борис Владимирович обращался неоднократно [4, 5, 13]. Он разделял взгляды Голубева на то, что качество знаний у студентов определяется не объемом прослушанного на лекциях материала, а тем, что они смогли усвоить, а отсюда вытекает полезность «неторопливой» манеры чтения лекций. Более того, Б. В. призывал подстраивать преподавание математики под специальность, по которой

обучаются студенты, а не пользоваться навсегда и для всех установленным «трафаретом». Такой вывод Б. В. сделал во время первых лет работы после окончания Саратовского университета. Он писал:

«Мне повезло, так как в университетах я встречал и слушал замечательных лекторов, которые всегда думали о том, как изложить студентам материал лекций выпукло, доступно, интересно и точно. Я с благодарностью вспоминаю лекции В. В. Голубева и А. Я. Хинчина, излагавших самый сложный материал изящно, доступно и при этом учивших нас овладевать искусством устной речи, искусством общения. <...> Г. П. Боев в Иваново-Вознесенске приучал нас, в том числе и меня¹⁰, к мысли, что преподавателю математики ВТУЗа необходимо знакомиться со специальными дисциплинами и на основе этих знаний строить курс математики, проводить занятия со студентами. Он заставил нас просмотреть текстильные журналы лет за двадцать и на этой базе познакомиться с тем, какие математические методы используются в текстильном деле» [2, с. 484, 485].

Краткие выразительные характеристики Б. В. Гнеденко дал не только В. В. Голубеву, но и другим преподавателям физико-технического отделения педфака СГУ. Так, он отмечал, что содержание лекций по математическому

¹⁰В 1930–1934 гг. Б. В. Гнеденко работал ассистентом в открывшемся в 1930 г. Иваново-Вознесенском текстильном институте.

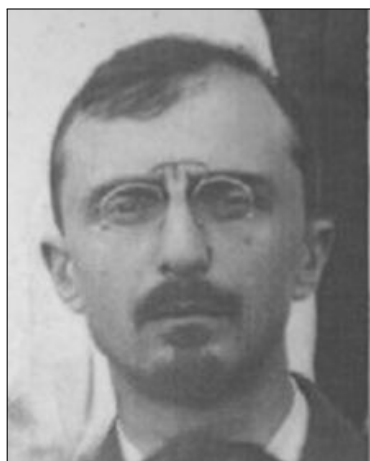
анализу, которые читал Г. П. Боев, было удовлетворительно, но «нередко он ошибался, ему не хватало вовремя нужных слов, и он их мучительно искал» [2, с. 36]. Поэтому Борис стал сразу же после лекций обрабатывать их материал с использованием имевшегося у него объемистого учебника «Дифференциальное и интегральное исчисление», написанного почетным академиком Петербургской АН Константином Александровичем Поссе (1847–1928) объемом свыше 800 страниц, и записывать связанное изложение в общей тетради. Перед экзаменом эти записи, проверенные Г. П. Боевым, переписали специальными чернилами и на стеклографе изготовили для студентов 100–150 копий [2, с. 37].

Каждая лекция профессора К. А. Леонтьева по физике сопровождалась большим числом опы-

тов, которые не всегда были удачными. Он был экспериментатором, работавшим в области радиотехники. Лекции, по оценке Б. В. Гнеденко, воспринимались как «конгломерат из отдельных результатов экспериментальных исследований» [2, с. 37], который не давал целостной картины о физике.

На втором курсе лекции по механике и дифференциальным уравнениям читал Георгий Николаевич Свешников, «высокий и худой человек с громоподобным голосом». Как писал Б. В. Гнеденко, «он крайне аккуратно использовал доску, не оставляя ни малейшего свободного места. Его лекции были понятны, хорошо построены, но несколько формальны» [2, с. 38].

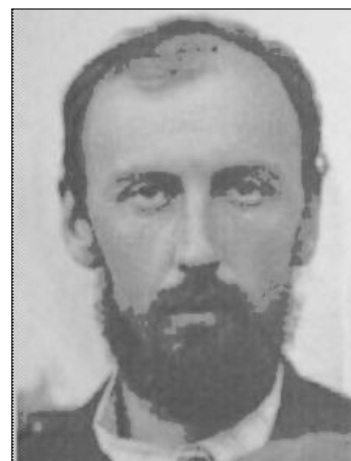
На третьем курсе теорию аналитических функций читал (и, как всегда, блестяще) В. В. Го-

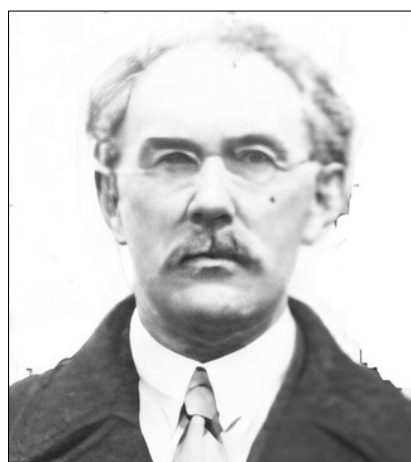
Владимир Васильевич
Голубев (1884–1954)
Vladimir V. Golubev
(1884–1954)

Георгий Петрович
Боев (1898–1959)
Georgy P. Boev
(1898–1959)

Георгий Николаевич
Свешников (1889–1970)
Georgy N. Sveshnikov
(1889–1970)

Иосиф Федорович
Полак (1881–1954)
Iosif F. Polak
(1881–1954)

Константин Александрович
Леонтьев (1889–1932)
Konstantin A. Leontiev
(1889–1932)

лубев. Он увлекал студентов неожиданной проблематикой, изящными формулировками теорем. Кроме того, Голубев начал читать специальный курс теории крыла в плоскопараллельном потоке.

Г. Н. Свешников читал курс теории вероятностей, строго следуя учебнику Лахтина. Б. В. Гнеденко писал:

«Теория вероятностей мне казалась интересной, но далеко не совершенной наукой. Однако, в этом я разубедился, купив по случаю на толкучке (т. е. с «рук»). – Авторы) «Теорию вероятностей» А. А. Маркова с приложением его работы, в которой давалось доказательство теоремы Ляпунова. Это уже казалось настоящей математикой, а не каким-то набором частных результатов. Я почувствовал, что уже продвигаюсь по пути математического образования и могу самостоятельно разбираться в сложных логических построениях. Это придало мне силу и уверенность, но еще больше показало необходимость интенсивной работы над собой» [2, с. 41].

В период экзаменационных сессий Борис Гнеденко играл ведущую роль в проведении «внутренних консультаций», когда сильные студенты помогали своим товарищам освоить математические премудрости. Для консультанта эта деятельность «помогала и самому лучше освоить предмет, увидеть сложности, которые сам первоначально не замечал» [2, с. 38].

Иностранный язык. Из трех преподававшихся иностранных языков – английского, немецкого, французского – студент Гнеденко выбрал для продолжения изучения французский язык. Французским математическим журналам в России тогда отдавали предпочтение при представлении своих научных работ. Спустя годы, когда академик Б. В. Гнеденко стал работать в университете им. Гумбольдта (Берлин), он с января 1954 г. около четырех месяцев занимался в группе по изучению немецкого языка (до этого ему приходилось читать статьи на немецком [2, с. 81]). В феврале же 1954 г., через месяц с начала работы в Германии, Б. В. стал читать (на первых порах опасаясь неудач, а затем все увереннее) студентам лекции на немецком языке. И уже в апреле перед аудиторией в полторы тыся-

чи человек в Дрезденской высшей технической школе «с экспрессией» прочитал на немецком доклад «Материалистические и идеалистические концепции в математике».

К числу универсальных языков межнационального и межличностного общения Б. В. Гнеденко относил английский и русский языки.

Военная подготовка. Не меньшие трудности, чем математика и физика, у студентов физико-технического отделения педфака вызывали дисциплины военной подготовки (девушки были освобождены лишь от лагерных сборов), особенно топография и тактика (с этим Борис хорошо справлялся). Лето после второго курса (два месяца) студенты провели в военном лагере. Учения включали стрельбы из винтовки и пулемета, подготовку позиции, ночные тревоги, отражение реальной кавалерийской атаки, отражение винтовочной стрельбой (с разных позиций) летевших низко над землей трех самолетов, которые вели пулеметный огонь, изнурительный (в полном снаряжении, в жару и без воды) марш-бросок на 40 километров.

В конце сборов студентам объявили благодарность, присвоили звания командиров взвода и вручили бесплатные путевки в различные места Советского Союза. Б. Гнеденко и его товарищи В. Быстренин¹¹ и Н. Ясафов¹² выбрали Ленинград.

Трудовая мобилизация. На третьем курсе студентов ждало очередное тяжелое испытание – трудовая мобилизация на разгрузку барж:

«Нередко ночью стучали в дверь или окно и вызывали студента Гнеденко на выгрузку. Мы разгружали баржи с зерном, дровами, солью. Особенно тяжело было разгружать соль. Двое становились в трюме и взваливали семипудовые мешки на спины студентов. Затем мы с этой тяжестью по ступенькам поднимались к борту, по узким дощечкам (таким был трап) бежали на берег, где нас поджидало двое грузчиков. К барже уже шли, чтобы немного передохнуть. После двух-трех подъемов по лесенке с мешком ноги тряслись, но больше всего мучений доставляла соль, которая растворялась потом и обжигала спину, плечи, шею» [2, с. 42].

Борьба с неграмотностью. Еще одну «нищоточку» из 1920-х можно провести к такой области

¹¹Быстренин Валентин Вячеславович (21.03.1907–1942) окончил СГУ в 1930 г. Преподаватель механики в Березниковском химическом техникуме (1930–1931), доцент кафедры механики Березниковского химико-технологического института (1932–1934), ассистент физико-математического факультета СГУ (1935–1939). Член ВКП(б), 1931. Погиб под Сталинградом в 1942 г. (считается пропавшим без вести). См.: *Борисов Б. И., Майофис Л. Я., Филиппов А. К.* Помним. Саратов : Издательство Саратовского университета. 2010. С. 72–73.

¹²Николай Ясафов после окончания СГУ преподавал физику в Ашхабадском педагогическом институте. С началом Великой Отечественной войны был призван на службу в Иране, а в 1943 г. его часть была переброшена на фронт. Он участвовал в боях в звании лейтенанта, был тяжело ранен в живот. После лечения поступил в аспирантуру физического факультета СГУ, его назначили помощником декана. Скончался от последствий ранения в 1945 г. [2, с. 163].

будущей многолетней деятельности Б. В. Гнеденко как просветительская работа в обществе «Знание» (Борис Владимирович прочитал десятки лекции и написал десятки статей по актуальным проблемам науки и педагогики высшей школы). Примером же лектора для него всегда служил В. В. Голубев, которого слушатели всегда приветствовали долгими аплодисментами. С осени 1928 г. студентов, объявив мобилизованными, задействовали в кампании по ликвидации неграмотности. На долю студента Б. Гнеденко выпали занятия в течение трех месяцев с группой цыганских семей, затем три месяца с заключенными в тюрьме и, наконец, до отъезда из Саратова в августе 1930 года на курсах десятников (обучение письму и счету!), работавших на строительстве Саратовского завода комбайнов. По графику прошла и педагогическая практика в школе.

«Чистка» преподавателей. В марте 1930 г. в университете было вывешено объявление о том, что 14 марта, в 5 часов вечера в большой аудитории имени В. И. Разумовского¹³ состоится «чистка» профессоров кафедр математического профиля (см. также [14]). Эта акция сопровождалась публикациями в прессе¹⁴. В своих «Воспоминаниях» [2] Б. В. Гнеденко оставил описание этого «мероприятия»:

«Аудитория была полна народа. Собрались не только работники и студенты университета, но и саратовская интеллигенция. Около доски был накрыт красной скатертью стол, за которым должны были расположиться «судьи», в сторонке стояли стулья для «обвиняемых».

Председателем судилища был профессор русской литературы В. В. Буш¹⁵. Мне помнится, что среди «судей» был ректор (профессор Каценбоген), секретарь парткома и, по-видимому, лица из партийного и советского руководства. Началось с небольшой, минут на пятнадцать, речи Буша, в которой он предъявил «обвиняемым» ряд пунктов обвинения. Прежде всего, аполитичность, далее отказ от подписки на заем и еще бездоказательную претензию, что они не воспитывают нас, студентов. Хотелось вскочить со ступенек лестницы, где мне удалось разыскать местечко, и крикнуть, что они нас воспитывают, учат быть честными людьми и ответственно относиться к порученному делу. Но пришлось сдержаться. После речи Буша начались пере-

крестные вопросы. Отвечал только Голубев – кратко, четко, хорошо слышимым всей аудитории голосом. Чувствовалась в его поведении сила, уверенность в своей правоте и презрение ко всему разыгрываемому фарсу. Как правило, ответы Голубева вызывали гром аплодисментов. Аплодировал и я. Позволю себе привести два вопроса, которые были заданы Голубеву, и его ответы на эти вопросы. Первый вопрос Буша:

– По какую сторону баррикад находились вы в семнадцатом году?

– Вы не по адресу направили вопрос! В семнадцатом году я не был на баррикадах ни по ту, ни по эту сторону. А вот почему вам не спросить это у самого себя и дать ответ на этот вопрос?

Тогда я не понял ответа [Голубева], и лишь в 1933 году до меня дошли сведения, что в 1930 или 1931 году Буш переехал в Ленинград, стал сотрудником Пушкинского Дома, а затем в 1933 году был арестован как крупный дореволюционный домовладелец. Он был собственником нескольких доходных домов в Петрограде. Умер в тюрьме.

– Кто был ваш отец? – спросил Буш.

Немедленно последовал такой ответ:

– Отцом Николая Гавриловича Чернышевского, имя которого носит наш университет, был протоиерей. Мой же отец – просто иерей.

Гром аплодисментов покрыл этот ответ (иерей – священник православной церкви, протоиерей – священник высшего чина. – Авторы).

Судилище продолжалось до трех часов ночи. Никто не расходился. Тут организаторы фарса одумались и внезапно закрыли заседание.

Домой я шел подавленный всем увиденным и услышанным. Для меня стало ясно, что математическая жизнь университета заканчивается и не скоро будет восстановлена» [2, с. 43, 44].

Так, собственно, и случилось. Выполнив учебные поручения, В. В. Голубев отбыл с семьей в отпуск, а в конце июля 1930 г. прислал директору СГУ заявление с просьбой об освобождении от занимаемой должности в связи с принятием на работу старшим инженером в ЦАГИ. Отдельным письмом он сообщил об этом и декану педагогического факультета [14]. В Москву переехали Г. Н. Свешников и И. Ф. Полак. Г. П. Боев 1 августа 1930 г. уехал на работу в Иваново-Вознесенский текстильный институт, пригласив в качестве ассистента выпускника СГУ 1930 года Бориса Гнеденко.

¹³По всей видимости, речь идет о Большой физической аудитории. Первому ректору СГУ В. И. Разумовскому в 1927 г. исполнилось 70 лет, он был удостоен звания Героя Труда. В начале 1930-х гг. был арестован и расстрелян его сын. Название «Аудитория им. В. И. Разумовского» за Большой физической аудиторией (БФА) в 3-м корпусе СГУ не закрепилось. Некоторыми историками в принципе отрицается сама возможность такого названия, хотя в ряде архивных документов (см. [14]) оно используется. После 1936 г. БФА долгое время (до начала 1990-х годов) носила имя А. М. Горького.

¹⁴В качестве примера Б. В. Гнеденко называет публикацию «Белая ворона», выразившую политическое недоверие проф. В. В. Голубеву. При подписке на государственный заем Голубев спросил: «Добровольна ли подписка?». Ему ответили: «Да. Абсолютно добровольна». Владимир Васильевич тогда сказал, что не имеет возможности подписаться по семейным обстоятельствам.

¹⁵Тогдашний декан педагогического факультета.

Лабораторно-бригадный метод. Да, именно в 1930 году, в 18 лет, после трех лет обучения, Б. В. Гнеденко получил диплом об окончании Саратовского университета. О том, как это произошло, он рассказал в своей книге:

«В мае нам объявили, что мы будем заниматься все лето с тем, чтобы в сентябре разъехаться по местам работы. Было решено организовать ускоренный выпуск. Мы перешли на новый метод обучения, названный лабораторно-бригадным. Суть его состояла в том, что студенты были разбиты на бригады по 15–20 человек. В каждой бригаде был выделен бригадир, ответственный за успеваемость членов бригады и за организацию учебного процесса. Я был назначен одним из бригадиров.

Практическое осуществление лабораторно-бригадного метода превратилось в сплошную комедию. Прежде всего, когда мы начали проработку нового учебного материала, члены бригады заявили: ты бригадир и должен учить за всех нас. Мы же станем набираться сил. В лучшем случае кроме бригадира учили новое два-три члена бригады, остальные же не делали ничего. Когда мы приходили к экзаменаторам сдавать, то разговор велся только с бригадиром. Его спрашивали, и если он прилично отвечал, то положительная оценка выставлялась всем членам бригады. Я сделал все возможное, экзамены были сданы, и в середине августа нам выдали документы об окончании университета. Я понимал, что получено ущербное образование, и нужно приложить много собственных усилий, чтобы исправить положение дел» [2, с. 45].

Возможно, что эта «торопливость» была специально «скоррелирована» с событиями 1930–1931 гг., когда в стране началось повальное выделение из университетов отдельных факультетов, которые превращали в специализированные вузы. Решение о «резкой специализации» вузов и выделении из университетов факультетов для создания специализированных институтов было принято в июле 1928 г. и ноябре 1929 г. на Пленумах ЦК ВКП(б). На базе Саратовского университета было образовано 8 вузов и несколько научно-исследовательских учреждений [10]. При этом из университета в новые вузы передавалось оборудование, кадры и студенты. Так, в связи с образованием в 1931 г. Саратовского педагогического института с педагогического факультета СГУ в институт была переведена часть студентов. Правда, параллельно прошло и образование новых факультетов в самом университете, в частности осенью 1931 г. был восстановлен физико-математический факультет¹⁶.

Глеб Гнеденко, «опоздавший» с поступлением в университет на год, попал в эту полосу перемен, доучивался в структуре педагогического института и получил диплом в 1932 году.

25-летие СГУ. Сложилось так, что университет вскоре покинули люди, погубившие преподавательский математический блок. В юби-

Борис Гнеденко (слева), Иваново-Вознесенск, 1931 г. [2, с. 52]

Boris V. Gnedenko (left), Ivanovo-Voznesensk, 1931 [2, p. 52]

¹⁶Для сравнения: в 1941 г. в связи с форс-мажорными обстоятельствами (началась война) учебные планы университетов были скорректированы на трехлетний срок обучения (см.: [2, с. 135]).

лейном издании, выпущенном в 1934 г. к 25-летию СГУ, сделанную математиками работу описывали в самых превосходных тонах [18, с. 25–31]. В частности, в книге отмечалось:

«...Эпоха (1923–30) явилась эпохой расцвета кафедры математики. К этому времени относится главная масса ее научных работ и наибольшее число читавшихся специальных и факультативных курсов. <...> В 1930 г. на кафедре снова появляются аспиранты: только что окончившие СГУ тт. А. К. Павлючук и С. Е. Белозеров.

Вдохновителем работы кафедры был проф. В. В. Голубев. Его многогранная научная деятельность, как и других членов кафедры, была неотделима от преподавания: научные интересы определяли выбор тем специальных курсов и семинаров, и обратно – каждый специальный курс был источником научной мысли. Кафедрой разрабатывались следующие разделы математики:

1) Теория аналитических функций и, в частности, автоморфных. Результатом явилась крупная работа проф. Голубева об аналитическом изображении функций вблизи особых множеств, о теореме Пикара и о поведении автоморфных функций. Сюда же относится ряд других статей проф. Голубева и доц. Боева.

2) Аэродинамика. Переход интересов В. В. Голубева и его учеников из области аналитических функций в область аэродинамики был довольно естественен. Результатом была большая работа Голубева «Теория крыла аэроплана» и ряд статей его и его учеников (Шмидта, Мичурина, Боева).

3) Математическая статистика. В 1929 г. вышел учебник проф. Голубева по математической статистике «в применении к лесному делу». Идею излагать математическую статистику на примерах чисто технических предложил Боев, который, уже будучи вне Саратовского университета, выпустил учебник математической статистики для текстильщиков.

4) Интегральные уравнения и уравнения математической физики (проф. Свешников).

5) Теория относительности (доц. Боев «Мир как целое»).

В описываемую эпоху члены кафедры с большим энтузиазмом читали специальные факультативные курсы. <...> Учебные планы [педагогического факультета] не предусматривали специальных математических курсов, поэтому они читались как факультативные вне плана и оплаты, но посещались охотно не только студентами старших курсов, но и окончившими, а также преподавателями средних школ. Так были прочитаны курсы «Конформное отображение», «Автоморфные функции», «Теория крыла аэроплана», «Теория роста функций» (Голубев), «Интегральные уравнения», «Краевые задачи математической физики», спец. семинар по динамике¹⁷, спец. семинар по вариационному исчислению (Свешников), «Минимальные поверхности», «Мир как целое», «История знаменитых задач древности», «Неевклидова геометрия», «Логические основы математики», «Теория пространств» (Боев) и др.

В эпоху 1924–30 на скромные средства, отпущенные кафедре, была создана математическая библиотека, почти из всей выходившей тогда советской, французской и немецкой математической литературы.

К 1930 году, за 12 лет деятельности проф. Голубев и проф. Свешников создали замечательную школу научных работников: Боев Г. П., Шмидт Ф. Г. (теперь проф[ессор])¹⁸, Гуревич Г. М. (проф[ессор]), Ермилин [К. С.] (доц[ент]), Протасов (доц[ент]), Кибель [И. А.] (проф.)¹⁹, Кузнецов Д. С. (доц[ент]), Кузнецов Е. С. (старш[ий]. научн[ый] сотр[удник]), Вайнберг [М. М.] (доц[ент])²⁰, Мичурин (асс[истент]), Гнеденко [Б. В.] (асс[истент] и асп[ирант]), Люкшин (проф[ессор]) и др.» [18, с. 27–29].

Можно добавить, что четвертьвековой юбилей Саратовского университета был отпразднован, как писали очевидцы, «с небывалым разма-

¹⁷По-видимому, имеется в виду аналитическая динамика как раздел теоретической механики.

¹⁸Шмидт Фридрих Генрихович (25.02.1900, г. Саратов –?) заведовал кафедрой теоретической механики Ленинградского политехнического института (подробнее см. [14]).

¹⁹Кибель Илья Афанасьевич (Эфроимович) (1904–1970) родился в Саратове. В 1921 г. окончил школу второй ступени (ныне – школа № 67 им. О. И. Янковского), в 1925 г. – физико-техническое отделение педагогического факультета СГУ, защитив дипломную работу по теме «Малые колебания сплошной среды». Учился в аспирантуре и работал в Ленинграде в созданном А. А. Фридманом Отделе динамической метеорологии Главной геофизической обсерватории Наркомата просвещения РСФСР. Доцент (1929–1931) и профессор (с 1932 г.) аэродинамики на кафедре гидроаэромеханики Ленинградского государственного университета. Доктор физико-математических наук (1935). В 1940 г. составил замкнутую упрощенную систему уравнений динамической метеорологии и предложил практический метод гидродинамического прогноза полей давления и температуры на срок около суток (метод Кибеля). В 1941 г. награжден Сталинской премией 3-й степени за разработку нового метода предсказания погоды, основанного на уравнениях аэродинамики (1941), в 1943 г. избран членом-корреспондентом Академии наук СССР. Все последующие годы работы в Ленинграде и Москве, занимался исследованиями в области гидродинамических краткосрочных прогнозов погоды, гидротермодинамической теории климата, газовой динамики и теоретической мезометеорологии (локального прогноза погоды) с внедрением вычислительной техники. Награжден орденом Ленина (1953) и двумя орденами Трудового Красного Знамени (1943, 1945), медалями. Умер в 1970 г. См.: Марчук Г. И., Саркисян А. С., Петросянц М. А., Садоков В. П. К столетию И. А. Кибеля // Метеорология и гидрология. 2004. № 10. С. 116–122; Машкович С. А. И. А. Кибель. К 110-летию со дня рождения // Семь искусств. 2014. № 8. URL: <https://7iskusstv.com/2014/Nomer11/Mashkovich1.php> (дата обращения: 18.07.2022).

²⁰Вайнберг Мордухай Моисеевич (1908–1981) окончил Саратовский университет (1930) и аспирантуру при Московском университете (1939), доктор физико-математических наук (1955), профессор (1956), работал в Ивановском сельскохозяйственном институте (1930–1934), в Московском гидрометеорологическом институте (1935–1944), в Московском областном педагогическом институте (с 1944 г.) [2, с. 48]].

хом» [19]. Новыми кадрами физико-математический факультет восполнил тогдашний директор СГУ Г. К. Хворостин, пригласив из Москвы и Ленинграда математиков и физиков Д. И. Блохинцева, В. П. Жузе, А. Г. Куроша, И. Г. Петровского, А. Я. Хинчина, а также окончивших аспирантуру Московского университета Н. Г. Чудакова, В. В. Вагнера, А. И. Барабанова, И. И. Гордона и Н. И. Симонова [2, с. 45; 9, 10]²¹.

Борис и Глеб Гнеденко: вместе по жизни

Как уже говорилось выше, братья Гнеденко распрощались со школой в июне 1927 года. Планы их одновременного поступления в вуз не удалось из-за болезни старшего брата. Глеб поступил на педагогический факультет через год, однако из-за реорганизационных мероприятий по выделению части структуры педагогического факультета СГУ для формирования самостоятельного педагогического института был переведен в педагогический институт. Этап его обучения в педагогическом институте зафиксирован в воспоминаниях Бориса Владимировича, который уже преподавал математику в Иваново-Вознесенском текстильном институте. Приехав в Саратов к родителям дважды (в начале января и в июле 1931 г.), он застал Глеба погруженным в занятия в физической лаборатории. «Он нашел себя, занявшись экспериментальной физикой», – писал Б. В. [2, с. 49]. В Саратове Б. В. познакомился и подружился с Николаем Григорьевичем Чудаковым, которого считал хорошим специалистом по теории чисел.

Аспирантура. Летом 1932 г. Б. В. приехал домой в отпуск. О брате Глебе он пишет следующее:

«Старший брат уже окончил педагогический институт, работал ассистентом на кафедре физики и с увлечением собирал какую-то установку для дальнейшей экспериментальной работы. У него также

были каникулы, и мы решили поехать путешествовать по маршруту Саратов – Харьков (где жил мамин брат с семьей) – Феодосия – Севастополь – Саратов» [2, с. 53]²².

Глеб Гнеденко в годы учебы
(публикуется впервые)
Gleb Gnedenko in his student years
(published for the first time)

Через два года, в августе 1934 г., дороги братьев в буквальном смысле пересеклись в Москве. Они оба поступали в аспирантуру: Борис – на математику в Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, а Глеб – на физику в Московский государственный педагогический институт имени К. Либкнехта²³. Борис зарекомендовал себя педагогической и научной деятельностью в Иваново [2, с. 59], а на двухмесячной стажировке в МГУ «приглянулся» ведущим математикам Александру Яковлевичу

²¹См. также: Аврус А. И. «Я работаю и делаю дело...» (Гавриил Кириллович Хворостин. 1900–1938) // История и историческая память. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2015. Вып. 12. С. 281–299; Трубецкова И. А. Университетская Вселенная ректора Г. К. Хворостина: Рождение и гибель // Известия вузов. Прикладная нелинейная динамика. 2017. Т. 25, № 2. С. 89–103. <https://doi.org/10.18500/0869-6632-2017-25-2-89-103>

²²Вернувшись из этой поездки в Саратов к заждавшимся их родителям, братья пережили, сообразно своему возрасту, еще одно приключение. Глеб достал пропуск на строительство моста через Волгу у Увека. На лодке добрались до моста. Преодолевая страх, по зыбкой веревочной лестнице поднялись они на один из его будущих устоев, смотрели на открывшуюся панораму. Уже возвратившись в лодку, почувствовали дрожь в ногах и радость от того, что все закончилось благополучно...

²³Московский индустриально-педагогический институт имени К. Либкнехта был основан в 1923 г. для подготовки инженеров-педагогов системы фабрично-заводского обучения (ФЗО), техникумов и школ повышенного типа (десятилеток). В 1932 г. был переименован в Московский педагогический институт имени К. Либкнехта, стал готовить, как и другие педагогические вузы, учителей для всей системы школьного образования СССР. В 1943 г. был присоединен к Московскому государственному педагогическому институту имени В. И. Ленина. Располагался в доме графа А. И. Мусина-Пушкина.

Хинчину²⁴ и Андрею Николаевичу Колмогорову²⁵, которые и стали его руководителями в аспирантуре. В последующие годы А. Я. Хинчина, А. Н. Колмогорова и Б. В. Гнеденко связывали дружеские отношения, их называли «тремя богатырями российской науки» в области теории вероятностей [8, с. 163–173].

Борис Гнеденко в годы обучения в аспирантуре (слева направо: А. А. Бобров²⁶, А. Я. Хинчин, Б. В. Гнеденко)
Boris V. Gnedenko during his postgraduate years (from left to right: Aleksandr A. Bobrov, Aleksey Ya. Khinchin, Boris V. Gnedenko)

Готовясь к поступлению в аспирантуру в читальном зале университета, Борис неожиданно увидел здесь брата. Б. В. писал в своих воспоминаниях:

Борис Гнеденко на фоне вершин Кавказа (1937). Вскоре он докажет, что является «человеком-скалой»...

Boris V. Gnedenko against the backdrop of the peaks of the Caucasus (1937). Soon he will prove that he is a “rockman”...

«Из моего письма родителям он знал, что я буду в Москве на экзаменах. Но мне было неизвестно, что он тоже решил поступать в аспирантуру по физике в пединститут им. К. Либкнехта. Он меня специально искал и решил, что, скорее всего, сможет застать меня в читальне. Когда он узнал об условиях [в общежитии МГУ на Стромынке], в которых оказались поступающие в аспирантуру университета²⁷,

²⁴Хинчин Александр Яковлевич (1894–1959) – выпускник физико-математического факультета Московского университета (1916), ученик Н. Н. Лузина, профессор (1922), доктор физико-математических наук (1935), член-корреспондент АН СССР (1939), академик Академии педагогических наук СССР (1944), лауреат Сталинской премии 2-й степени (1941). Работал профессором и заведующим математических кафедр в Московском, Иваново-Вознесенском и Саратовском университетах, сотрудник Математического института АН СССР (с 1939 г.). Выдающийся отечественный специалист в области теории вероятностей.

²⁵Колмогоров Андрей Николаевич (1903–1987) окончил Московский университет (1913), профессор (1930), доктор физико-математических наук (1935), академик Академии наук СССР, лауреат Сталинской (1941) и Ленинской (1965) премий, Герой Социалистического Труда (1963). «Занимает уникальное место в современной математике и в мировой науке в целом» (см.: Боголюбов Н. Н., Гнеденко Б. В., Соболев С. Л. Андрей Николаевич Колмогоров. К 80-летию со дня рождения // УМН. 1983. Вып. 4. С. 11–26).

²⁶Бобров Александр Александрович (1912–1987) окончил МГУ (1935), защитил кандидатскую диссертацию (1938) под руководством А. Я. Хинчина. Работал в Саратовском и Черновицком университетах, Одесском технологическом институте, Одесском институте инженеров морского флота.

²⁷Прибывшие на вступительные экзамены размещались в общежитии МГУ на Стромынке. Б. В. попал в комнату на 50 человек, вблизи проходной. Здание общежития имеет интересную историю и памятно многим поколениям студентов. В нём в ранние годы размещалась Екатерининская матросская богадельня. Четырёхэтажное здание с внутренним двором имело форму каре (правильного замкнутого квадрата со стороной около пятидесяти метров длиной). Его северный фасад располагался вдоль Стромынки, восточный – вдоль набережной Яузы, а к южному и западному фасадам примыкал двор дома для умалишенных «Матросская тишина», а за ним – тюрьма с тем же названием. На первом этаже здания находились библиотека, читальный зал, кинозал (он же концертный зал и зал для различных мероприятий), столовая, отделение почты и различные хозяйственные службы. Само общежитие занимало второй, третий и четвёртый этажи (по крайней мере, два из них были над-

он пригласил меня переночевать у него в общежитии института на Госпитальной улице. Его поселили в комнате на четверых, заняты же были только три койки, четвертую любезно предложили мне. К вечеру мы съездили [на вокзал] за моим чемоданом, и я прожил с братом все время экзаменов. Было удобно, чисто и спокойно. Нужно добавить, что на Стромынке администрация общежития не снабдила нас ни простынями, ни одеялами» [2, с. 64].

Сохранилась и фотография Глеба Гнеденко, сделанная в период его обучения в аспирантуре в Москве.

Научная работа Бориса Гнеденко в аспирантуре продвигалась стремительными темпами, он даже «на ходу» поменял тему и 23 июня 1937 г. уверенно защитил кандидатскую диссертацию на тему «О некоторых результатах по теории безгранично делимых распределений».

В том же 1937 г. в начале июля Борис Гнеденко с группой в шестнадцать человек (аспиранты МГУ) отправился в путешествие на Восточный Кавказ, которое имело непредвиденные последствия.

Испытание характера. В ночь на 6 декабря 1937 г., в период прохождения воинской службы в Брянске, Борис Гнеденко был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности. Был освобожден за отсутствием вины 24 мая 1938 г. Между этими двумя датами – неустанная и негибкая борьба за правду, за справедливость, за собственную жизнь, жизнь и благополучие близких людей.

Борис категорически и доказательно отрицал обвинения, построенные на доносе трех человек [2, с. 109] из туристической группы и содержавшие «классические» передергивания смысла сказанного тогда Борисом, что было интерпретировано как контрреволюционная пропаганда. Более того, от Гнеденко требовали подтвердить, что руководство контрреволюционной деятельностью осуществлялось А. Н. Колмогоровым. Однажды в марте 1938 г. допрос продолжался непрерывно в течение восьми суток, без сна и нормального питания. Борис Владимирович вспоминал:

«После двух-трех часов допроса меня отсылали в «дежурку», где мне предлагалось сесть на узенькую скамейку шириной не более пятнадцати сантиметров, вплотную приставленную к стене. Сидеть на ней было практически невозможно. Как только начал дремать, раздавался грозный окрик «Встать!». Но обычно еще до этого окрика или одновременно

Глеб Владимирович Гнеденко (крайний справа) в период обучения в аспирантуре МГПИ имени К. Либкнехта (1934–1937, публикуется впервые)

Gleb V. Gnedenko (far right) during the period of study at the graduate school of the Moscow K. Liebkecht State Pedagogical Institute (1934–1937, published for the first time)

строены). На каждом из этих этажей проходил вдоль всего здания коридор с комнатами по обеим его сторонам. Позднее часть здания была снесена. В настоящее время здание занимает Московский государственный университет приборостроения и информатики (МГУПИ). См., например: В. Николаев. Ещё раз о старом общежитии МГУ. URL: <https://proza.ru/2011/12/28/1522> (дата обращения: 21.07.2022).

с ним, засыпая, я тут же оказывался на полу, поскольку удержаться на скамейке в сонном состоянии было невозможно. Сколько было таких падений за ночь и последующий день, сосчитать невозможно. Время тянулось мучительно медленно. Голова была словно залита свинцом. И так день за днем в течение восьми суток. Ночь доставляла развлечение в виде допроса. В который раз предъявлялось одно и то же требование: «Расскажите о том, как вас привлек к контрреволюционной деятельности Колмогоров». И каждый раз ответ: «Ни к какой контрреволюционной деятельности я Колмогоровым не привлекался». Я потерял счет времени, и счет дней вел лишь по той «пайке» хлеба, которую получал раз в сутки. Есть этот хлеб не хотелось, и только сознание, что нужно сохранить силы на будущее, заставляло через силу глотать всухомятку эти четыреста граммов черного хлеба. <...>

[На восьмой день] около 11 часов вечера меня вызвали к следователю и потребовали подписать протоколы. Я настоял, чтобы мне дали их предварительно прочесть. С трудом заставил я себя вчитываться в корявые фразы, записанные следователем. Я призвал все сохранившиеся в себе силы, чтобы вникнуть в их содержание, и стремился ни в коем случае не пропустить ничего, что могло бы впоследствии быть поставлено в вину мне, Колмогорову или кому-либо другому. Читал я долго. Наконец чтение было завершено, протокол подписан, и меня отправили вновь в тюрьму, в мою камеру, в привычную обстановку. <...> Несколько дней я приходил в себя. Восемь суток без сна и в постоянном напряжении давали о себе знать еще долго» [2, с. 111, 112].

Роль в освобождении, считал Борис Владимирович, сыграли его уверенность в правоте, стойкость, написанные в спокойном тоне заявления в прокуратуру, энергичные хлопоты отца, которому Борис через одного тюремного надзирателя сумел переслать весточку о себе и написанное огрызком химического карандаша на склеенных клочках папиросной бумаги заявление в прокуратуру о своей невиновности.

Научно-педагогическая деятельность. После возвращения Бориса Гнеденко в Москву А. Н. Колмогоров при поддержке А. Я. Хинчина добился для него места доцента на кафедре, которой заведовал, – кафедре теории вероятностей. Осенью 1938 г. Б. В. стал выполнять и обязанности ученого секретаря Института математики МГУ. В этот момент важную жизненную поддержку младшему брату, находясь в Тюмени, оказал Глеб – он помог ему устроиться в столице с жильем, так как тому приходилось скитаться по знакомым и друзьям. Сложилось так, что после окончания аспирантуры Глеб Владимирович

Гнеденко был направлен на работу в Тюменский пединститут. Директор института приехал в Тюмень из Москвы, где у него оставалась без присмотра двухкомнатная квартира. Вот эту квартиру и предложили в сентябре 1938 г. занять Б. В., освободив его на некоторое время от жилищной проблемы.

Предвоенный период для Бориса Гнеденко ознаменовался подготовкой (с осени 1938 до конца 1940 г.) и защитой 29 мая 1941 г. докторской диссертации. Диссертация содержала две части: теорию предельных распределений сумм независимых случайных величин и теорию асимптотических распределений максимального члена вариационного ряда. Первой частью Б. В. «отчитывался» перед МГУ, а второй – перед Математическим институтом имени В. А. Стеклова, в который он был приглашен А. Н. Колмогоровым с января 1939 г. в качестве совместителя.

Диссертационные эпопеи сами по себе интересны в историческом аспекте, поскольку отражают государственную политику в области подготовки научных кадров. Защиты кандидатской и докторской диссертаций Б. В. Гнеденко состоялись после возвращения в 1934 г. «в оборот» системы ученых степеней, поначалу отмененных в 1918 г. Обращает на себя внимание такой нюанс: официальными оппонентами на его докторской защите выступали специалисты высочайшего ранга: академик АН СССР С. Н. Бернштейн, академик АН СССР А. Н. Колмогоров и член-корреспондент АН СССР А. Я. Хинчин. Защита диссертации свидетельствовала (впрочем, это осознавал и сам Борис Владимирович), что он уверенно стал на ноги как исследователь, ибо разработал теорию большой математической ветви на базе оригинального метода (сопровождающих безгранично делимых распределений). Свои ощущения после защиты диссертации Б. В. изложил в строках:

«Помню солнечный, жаркий день конца мая 1941 года. Семьдесят четвертая аудитория была полна. Я заметно волновался. Кратко изложил результаты и основные руководившие мной идеи и выслушал лестные выступления моих оппонентов. После голосования я не ощущал ничего, кроме какой-то внутренней опустошенности. Отрешенно я благодарил тех, кто меня поздравлял, в том числе и студентов» [2, с. 132, 133]²⁸.

²⁸В связи с началом Великой Отечественной войны утверждение Б. В. Гнеденко доктором физико-математических наук задержалось более чем на год – аттестационное дело попало не в ВАК, а в Архив МГУ. Став маститым ученым, Борис Владимирович многие годы был авторитетным членом диссертационных советов, часто выступал рецензентом и официальным оппонентом квалификационных работ.

Глеб Владимирович Гнеденко (второй слева в верхнем ряду фотографий) среди преподавателей и выпускников Тюменского государственного педагогического института (1939, публикуется впервые)

Gleb V. Gnedenko (second from the left in the top row of photos) among teachers and graduates of the Tyumen State Pedagogical Institute (1939, published for the first time)

Кроме того, занимаясь параллельно математической теорией счетчика Гейгера – Мюллера, Б. В. Гнеденко связал ее с задачами теории массового обслуживания (другое название этой теории – теория очередей). Первые работы Бориса Владимировича в этой области появились еще во время его работы в Иванове.

Личная жизнь. Во время одного из приездов в Саратов в июле 1935 г. Б. В. был приглашен Н. Г. Чудаковым на загородную прогулку в составе небольшой группы, в которую входила и студентка химического факультета СГУ Н. К. Добровольская. Не без юмора Б. В. описывает детали своего знакомства с Наталией Константиновной:

«Теперь уже нет необходимости скрывать: Н. К. Добровольская произвела на меня сильное впечатление. Я рассказал ей, что учился в школе № 3 Саратова, что у меня был учитель географии и истории Константин Васильевич Добровольский, который устраивал нам довольно часто письменные работы, собирал наши сочинения, выставлял оценки, но самих сочинений мы никогда больше не видели. Тут-то она призналась, что мой преподаватель – ее отец и что наши сочинения в жизни

ее семьи имели важное значение: они подкладывались под пироги.

С Наташей мы встречались тем летом несколько раз и подружился. С тех пор я постоянно виделся с ней, когда приезжал в Саратов, заходил к ним домой, мы посещали концерты. Она в свою очередь бывала у моих родителей. У них с ней сложились превосходные отношения. Она заходила к ним и в то время, когда я был в Москве. Особенно благодарны были мои родители, когда Наташа приходила к ним в период моего ареста и успокаивала их, вселяя надежду на мое освобождение. Папа перед смертью сказал мне, что я напрасно тяну время, лучшего спутника мне не найти» [2, с. 120, 121].

24 июня 1939 г. брак молодых людей в Москве был зарегистрирован. В июле того года они поехали по красивым окрестностям столицы, полным ягод и грибов. Десять дней в начале августа, по приглашению А. Я. Хинчина, провели в Тарусе, занимаясь сбором грибов. Потом приехали в Саратов – к родителям Наталии Константиновны и к Марье Степановне, «переполненной, – как отмечал Б. В., – слишком свежими воспоминаниями о моем рано умершем отце» [2, с. 126].

Глеб к этому времени уже имел стаж семейной жизни. С будущей женой Тamarой он познакомился во время экскурсии по Военно-Осетинской дороге летом 1936 г. Путешествовали тогда они вместе с Борисом.

Борис Гнеденко и Наталия Добровольская
(Саратов, июль 1935 г.)

Boris Gnedenko and Natalia Dobrovol'skaya
(Saratov, July 1935)

Летом 1940 г. Борис Владимирович, Наталия Константиновна и Александр Сперанский, школьный товарищ Б. В., совершили еще один туристический поход на Кавказе – по Военно-Сухумской дороге.

Глеб Владимирович Гнеденко: судьба человека

Начиная с 1939/1940 учебного года, Глеб Владимирович Гнеденко работал в вузах Саратова. На фотографии 1940 г. он запечатлен с преподавателями и студентами физико-математического факультета Немецкого государственного педагогического института (НГПИ) в г. Энгельсе (до 1931 г. – Покровск). В НГПИ работали преподаватели из саратовских вузов.

Немецкий педагогический институт был открыт 1 октября 1929 г. постановлением Совнаркома РСФСР для подготовки преподавателей семилетних и средних школ, техникумов АССР Немцев Поволжья (Немреспублики) и учебных заведений в местах компактного проживания немецкого населения СССР. В первый год были открыты два факультета: лингвистический (немецкий язык и литература) и социально-экономический, а также курсы дошкольных работников. С 1931/1932 учебного года функционировали еще два факультета: физико-математический и естественный (химико-биологический). Были также открыты рабфак и подготовительные курсы. Срок обучения составлял 4 года. В 1935 г. при пединституте был открыт двухгодичный

Экскурсия на Кавказ, 1936 г. Во втором ряду (слева направо): Глеб, Тамара (будущая жена Глеба), Борис
(публикуется впервые)

Excursion to the Caucasus, 1936. In the second row (from left to right): Gleb, Tamara (Gleb's future wife), Boris
(published for the first time)

Выпуск физико-математического факультета НГПИ, 1940 г. Г. В. Гнеденко – первый слева среди сидящих (г. Энгельс, публикуется впервые)

Graduation of the Faculty of Physics and Mathematics of the German National State Pedagogical Institute in 1940. Gleb V. Gnedenko is the first on the left among those seated (Engels city, published for the first time)

Глеб Владимирович Гнеденко (1937)

Gleb V. Gnedenko (1937)

учительский институт, а в 1938 г. – русские отделения. Институт был закрыт 19 сентября 1941 г. Архив НГПИ был передан в Саратовский педагогический институт²⁹. К сожалению, этот общий архив сильно пострадал во время случившегося пожара, личные дела преподавателей не сохранились.

Осенью 1941 г., спустя несколько месяцев после начала Великой Отечественной войны, Борис Владимирович получил письмо от матери, в котором она сообщала, чтоб Глеб мобилизован в армию (в [2, с. 148] называется дата – 28 октября 1941 г.), а сама она пошла работать на военный завод – там она получала дополнительное питание на троих еще маленьких детей Глеба, двух девочек и мальчика. Потом выяснилось, что с этой же целью она систематически сдавала кровь [2, с. 145].

Какое-то время Г. В. Гнеденко, как можно понять из писем Марьи Степановны, служил в части, размещенной в Саратове. От участия в непосредственных фронтовых действиях не считал возможным уклониться. Он стал одним из мил-

²⁹См.: Ерина Е. М. Очерки истории культуры Немецкой Автономии на Волге. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1995. С. 21–40.

лионов участников грандиозной стратегической Днепровской операции по освобождению левобережных и правобережных территорий Днепра на фронте в 750 километров. Ради этой победы отдали свои жизни более 400 тысяч воинов Красной Армии. Среди героически погибших – Глеб Владимирович Гнеденко.

Б. В. Гнеденко писал о трагедии, постигшей большую семью:

«В ноябре [1943 года] я получил казенное письмо. В нем сообщалось, что мой брат пал смертью храбрых при форсировании Днепра в районе Днепропетровска. Как я могу судить по письмам, его фронтовая жизнь продолжалась менее двух недель. Я был потрясен этим известием. Мне казалось, что в последнее время я был недостаточно внимателен к нему, что я виноват перед ним тем, что я жив, а он погиб. Война коснулась меня и нанесла страшную рану, которая останется до конца жизни» [2, с. 182, 183].

Борис Владимирович предпринимал несколько попыток найти точные сведения о гибели брата. Эти данные были найдены Я. С. Мельниковым, сыном жены Д. Б. Гнеденко, в архиве Министерства обороны Российской Федерации.

Глеб Владимирович Гнеденко (1909 г.), гвардии младший лейтенант, командир стрелковой роты 38-го гвардейского стрелкового полка, 14 гвардейской стрелковой дивизии, 57-й армии,³⁰ убит в наступательном бою 27 октября 1943 года³¹.

Место его захоронения – Братская могила советских воинов, погибших при освобождении с. Пушкарёвка и расширении Пушкарёвского плацдарма при форсировании Днепра в сентябре–октябре 1943 г. Всего в Пушкарёвском мемориальном комплексе захоронено 9959 человек. Их имена отлиты на бронзовых плитах, размещенных по территории Мемориала...

Борис Владимирович не оставил без помощи семью брата. В середине февраля 1945 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук Украинской ССР (с 1948 г. – академик) и переехал на работу в Львовский университет. Он вспоминал:

³⁰57-я армия была включена в состав Степного фронта 9 августа 1943 г. 20 октября 1943 г. Степной фронт был переименован во 2-й Украинский фронт. Всего в днепровской операции участвовало 5 фронтов (в скобках указаны новые названия фронтов, установленные 20 октября 1943 г.): Центральный (Белорусский), Воронежский (1-й Украинский фронт), Степной (2-й Украинский), Юго-западный (3-й Украинский), Южный (4-й Украинский фронт).

³¹Основной источник – Центральный архив Министерства обороны России (ЦАМО), фонд ЦАМО № 33, опись ЦАМО № 11458, дело ЦАМО № 157. В [1, с. 149] приведена фотография Именного листа безвозвратных потерь 38 гвардейского полка, содержащего имя Г. В. Гнеденко.

Центральная часть Пушкарёвского Мемориала
The Central Part of the Pushkarevsky Memorial

Памятная доска Пушкарёвского Мемориала с именем Г. В. Гнеденко (7-я строка сверху)
Commemorative plaque of the Pushkarevsky Memorial with Gleb V. Gnedenko name (7th line from top)

«Я должен был материально помогать племянникам. Как-никак, а их было трое. Мы обсудили этот вопрос с Наташей и начали ежемесячно посылать в Саратов по 1500 рублей. В ту пору это была зарплата профессора. Мы пригласили маму к себе, пообещав ей сохранить ее самостоятельность. Мне очень хотелось, чтобы Наташа, я и Дима помогли ей сгладить горечь от потери старшего сына. В конце концов, мама решилась на этот шаг и в начале марта 1946 года переехала во Львов.

С приездом мамы у нас ежедневно к столу стали подаваться горячие свежие лепешки, пироги, пирожки с самой разнообразной начинкой, вкуснейшие булочки. <...> Мама любила всегда, с тех пор как я ее помню, гостей, шум в доме, свежие лица, но еще больше она любила угощать. Это доставляло ей истинное наслаждение.хлопоты ее не утомляли и не раздражали, а составляли необходимый элемент жизни. Я всегда поражался маме. Ей для отдыха требовались какие-нибудь три-четыре часа. И после такого кратковременного отдыха она была работоспособной, веселой, внимательной к людям» [2, с. 214, 215].

Боль семейной трагедии смягчило рождение 24 января 1947 г. второго сына Бориса Владимировича и Наталии Константиновны – Александра. Б. В. Гнеденко писал:

«Моя мама, которую [старший внук] Дима называл «Ляля-Маня» и не желал звать бабушкой, малыша назвала Аликом. Это ласкательное имя так и закрепилось за ним.<...> Дима сильно полюбил своего маленького братика и готов был для него сделать все возможное: поделиться игрушками, пожертвовать своими удобствами, лишь бы было хорошо малышу. А Ляля-Маня души не чаяла в мальчике. Она находила, что он похож на погибшего Глеба и перенесла на Алика всю любовь, которую она испытывала по отношению к погибшему» [2, с. 229].

У потомков Глеба Владимировича и Тамары Александровны Гнеденко хранятся семейные фотографии, передаются по «эстафете» и теплые семейные зарисовки-воспоминания. Тамара Александровна с восхищением вспоминала о музыкальных талантах Марьи Степановны – великолепном голосе и исключительном слухе, а при упоминании супруги Бориса Владимировича Гнеденко называла её не иначе как «красавица Наташа».

³²Северцев Николай Алексеевич (р.10.02.1930) – доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники РФ, лауреат Государственной премии (1979), лауреат Золотой медали Фонда «Инженерное наследие академика В. Ф. Уткина» (2005), вице-адмирал-инженер.

³³Государственная премия СССР в области науки и техники 1979 г. была присуждена коллективу во главе с Б. В. Гнеденко «за работы по созданию и внедрению комплекса методов обеспечения высокой надежности оборудования», т. е. за работы по математической теории надежности [8, с. 110].

³⁴Представление на Государственную премию было подписано главнокомандующим ВМФ СССР адмиралом флота Советского Союза С. Г. Горшковым.

Помнят родные Глеба Владимировича и его слова перед уходом в армию: «Как это, мои товарищи будут там воевать, а я – отсиживаться здесь. Нет, я не могу так».

Борис Владимирович Гнеденко: «образец человека эпохи Возрождения»

Б. В. Гнеденко и спустя годы воспринимается как уникальный человек. Впечатление об этом формируют его биография, научное, методическое и педагогическое наследие, воспоминания свидетелей его повседневной жизни, его учеников и коллег-единомышленников, касающиеся различных черт характера Б. В., его взаимоотношений с окружающими людьми, взглядов на жизнь.

Масштабная оценка научной деятельности Б. В. Гнеденко дается в статье, приуроченной к 100-летию со дня его рождения (в числе ее авторов – академики РАН Ю. В. Прохоров и А. Н. Ширяев):

«По общему международному признанию Б. В. Гнеденко был одним из наиболее выдающихся математиков, работавших в области теории вероятностей, математической статистики и истории математики. Им были получены ключевые результаты в таких областях, как суммирование независимых случайных величин, предельные теоремы, теория массового обслуживания, непараметрические статистические критерии. Он являлся одним из создателей и признанным лидером советской школы математической теории надежности. Достижения Бориса Владимировича во многом определили подходы и направления дальнейших исследований в этих областях. Они нашли свое развитие в многочисленных работах его учеников и последователей, как в России, так и за ее пределами» [20, с. 3, 4].

Работы коллектива во главе с Б. В. Гнеденко в области теории надежности сложных технических систем в 1979 г. отмечены Государственной премией. А. Н. Северцев³² вспоминал праздничный для лауреатов день:

«После вручения нам Государственной премии СССР³³ командование Военно-морской академии³⁴ пригласило Бориса Владимировича выступить перед профессорско-преподавательским составом с лекцией по его усмотрению. Название лекции

было неожиданным и примерно следующим: «Вероятность, надежность и здоровье человека». Я слушал это выступление вместе с [лауреатами премии] А. Д. Соловьевым и В. А. Каштановым. Присутствующие были просто загипнотизированы неотразимой логикой, аргументацией, искусством слова и манерой Бориса Владимировича держаться перед аудиторией» [8, с. 152]).

Важная страница в биографии Б. В. Гнеденко как директора Института математики и председателя бюро физико-математического отделения АН УССР – руководство лабораторией вычислительной техники, которая перешла под его начало в 1955 г. после отъезда в Москву академика Сергея Алексеевича Лебедева. При С. А. Лебедеве в 1953 г. вступила в строй первая на европейском континенте вычислительная машина МЭСМ (аббревиатура от «Малая Электронная Счетная Машина»), которая была создана под его руководством коллективом киевских инженеров этой лаборатории.

«Активными помощниками» [2, с. 321] Бориса Владимировича стали старейшие сотрудники С. А. Лебедева – Е. А. Шкабара³⁵ и Л. Н. Дашевский³⁶; к ним добавились математики – Е. Л. Ющенко и В. С. Королюк (ученики Б. В. Гнеденко), И. Б. Погребысский³⁷. При Борисе Владимировиче начались работы по проектированию универсальной машины «Киев», первой машины в Европе с адресным языком программирования, и специализированной машины для решения систем линейных алгебраических уравнений. Перу Б. В. Гнеденко (в соавторстве с В. С. Королюком и Е. Л. Ющенко³⁸) принадлежит первая (в открытой печати) книга по программированию «Элементы программирования», изданная в Москве в 1961 г. [21]. Кроме

того, Б. В. Гнеденко много времени и сил потратил на решение вопросов по строительству здания вычислительного центра АН УССР и жилых домов для его сотрудников. М. И. Ядренко³⁹ так описал этот период:

«В 1955 году в лаборатории появляются первые программисты – выпускники мехмата Л. Заика, Л. Шеведо, Э. Ядренко. В 1955/1956 учебном году Б. В., В. С. Королюк и Е. Л. Ющенко начинают читать специальные курсы программирования; по инициативе Б. В. начинает работать семинар по теории программирования. К активной работе в семинаре подключается Л. А. Калужнин⁴⁰.

В 1956 г. в Феофании⁴¹ появляется большой «десант» выпускников механико-математического факультета, которые составили ядро будущего Вычислительного центра (позже – Института кибернетики). Руководство лабораторией, строительство вычислительного центра, организация быта новых сотрудников – все это лежало на плечах Б. В. К сожалению, роль Б. В. в развитии вычислительной техники и в настоящее время еще не оценена надлежащим образом» [8, с. 51].

Параллельно Б. В. разрабатывает направление по применению математических методов в медицине, завершившееся созданием в начале 1960 г. первого в мире электронного диагностического сердечных заболеваний.

Б. В. Гнеденко никогда не замыкался на изучении и развитии сугубо научных и технических проблем. Он глубоко разбирался в вопросах истории, методики преподавания и философских вопросах математики, вникал в проблемы школьного и вузовского математического образования. В 1946 г. им была написана замечательная книга «Очерки по истории математики в России». Его учебник «Курс теории вероятностей» с 1949 г. до настоящего времени является мировым бест-

³⁵Шкабара Екатерина Алексеевна (1913–2002) – аспирантка С. А. Лебедева, кандидат технических наук (1948), старший научный сотрудник лаборатории С. А. Лебедева.

³⁶Дашевский Лев Наумович (1916–1988) – участник Великой Отечественной войны, кандидат технических наук (1947), заместитель С. А. Лебедева и Б. В. Гнеденко.

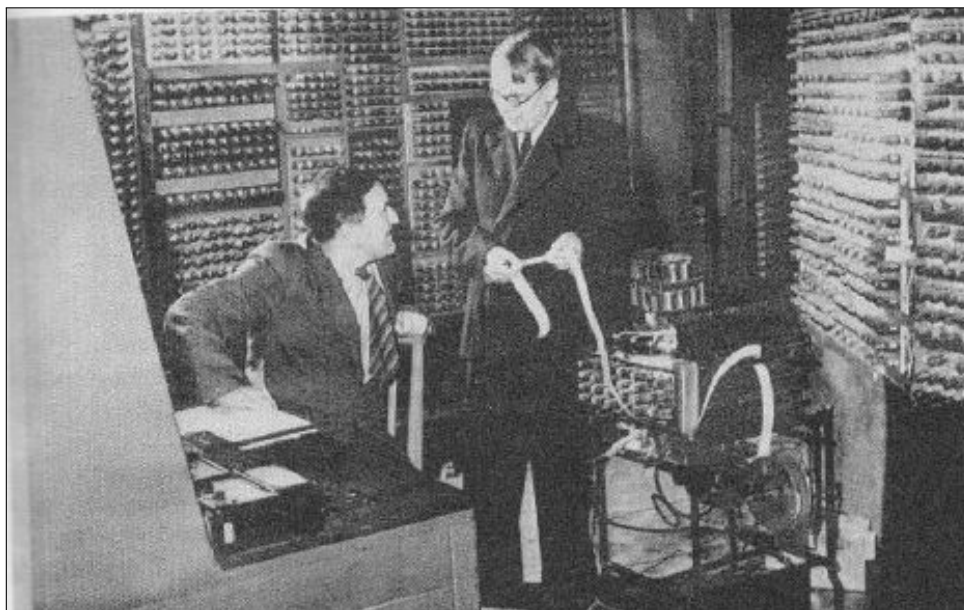
³⁷Погребысский Иосиф Бенедиктович (1906–1971) – аспирант Д. А. Граве, математик широкого профиля, участник Великой Отечественной войны, кандидат (1940) и доктор (1965) физико-математических наук. Работал в Институте математики АН УССР и киевских вузах до 1962 г. С 1962 г. – сотрудник Института истории естествознания и техники АН СССР.

³⁸Рвачева (Ющенко) Екатерина Логвиновна (1919–2001) – кандидат физико-математических наук (1950), доктор физико-математических наук (1966), профессор, член-корреспондент АН УССР (1976). Работала по «программе фактически аспирантской подготовки» [2, с. 219] с выбором темы кандидатской диссертации под руководством Б. В. Гнеденко во Львовском отделе теории вероятностей Института математики АН УССР (1946–1950), старшим научным сотрудником Института математики АН УССР (1950–1957), заведующим отделом Института кибернетики АН УССР (с 1957 г.).

³⁹Ядренко Михаил Иосифович (1932–2004) – доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент НАН Украины (1990), заведующий кафедрой теории вероятностей механико-математического факультета Киевского университета (1966–1998). Всегда называл своими учителями Б. В. Гнеденко и И. И. Гихмана.

⁴⁰Калужнин Лев Аркадьевич (1914–1990), оставаясь советским подданным, получил образование в Германии и Франции. В 1951–1955 г. преподавал в Берлинском университете. Доктор физико-математических наук (МГУ, 1958). С 1955 г. работал в Киевском университете, заведовал кафедрой алгебры. См.: Александров П. С., Гнеденко Б. В., Головин О. Н. Лев Аркадьевич Калужнин (К 60-летию со дня рождения) // УМН. 1974. Т. 29, вып. 4. С. 193–197.

⁴¹Феофания, где располагалась лаборатория С. А. Лебедева, в то время – пригород Киева.

Б. В. Гнеденко (справа) и Л. Н. Дашевский в лаборатории вычислительной техники (1955)
Boris V. Gnedenko (right) and Lev N. Dashevsky in the computer science laboratory (1955)

селлером, выдержав несколько десятков изданий на различных языках, в том числе 13 – на русском [22].

Содержательные характеристики и исключительно теплые отзывы о Борисе Владимировиче, раскрывающие одновременно его творческую «лабораторию», содержатся в воспоминаниях его коллег-единомышленников и учеников (к последним принадлежат четыре поколения!)⁴². Вот некоторые из них.

«В этом человеке объединились острейший ум, высочайшая культура, духовная щедрость, доброта, простота в общении, скромность и вместе с тем твердость и принципиальность в отстаивании своих взглядов и убеждений» (**Е. Ю. Барзилович**⁴³ [8, с. 142]).

«Это был не только блестящий математик и прекрасный педагог, не только тонкий знаток литера-

туры, музыки и живописи – редкий в наше время образец человека эпохи Возрождения. Он был человеком высокой нравственности, нескрипаемым принципиальным и кристально честным. <...> Я смотрел на Б. В. с обожанием, как на небожителя. В его неторопливой манере общения, каком-то бесконечном спокойствии было что-то надмирное. Само его присутствие как бы упорядочивало пространство вокруг себя. Говорил со мной он на множество тем: от качества образования в стране (СССР) до теории музыки. Кстати, музыка была неотъемлемой частью его жизни, и Б. В. как-то сказал: «Без музыки развитие математики было бы невозможным». <...> Перефразируя слова о том, что все повести выросли из «Шинели» Н. В. Гоголя, можно сказать, что все мы («безнадежники»⁴⁴) выросли из могучей книги Б. В. Гнеденко «Математические методы теории надежности», которую он написал совместно со своими учениками и сподвижниками Ю. К. Беляевым и А. Д. Соловьевым (**И. А. Ушаков**⁴⁵ [23, с. 4, 5]).

⁴²Контактов со своими учениками Б. В. Гнеденко не прекращал и после вынужденного отъезда в Москву после 15-летнего пребывания на Украине, а затем и после прекращения ему Президиумом Академии наук УССР академических выплат, которые он, кстати, тратил на систематические поездки в Киев для проведения консультаций. В Киеве Б. В. Гнеденко создал мощную научную школу по теории вероятностей и математической статистике.

⁴³Барзилович Евгений Юрьевич (1932–2007) – доктор физико-математических наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, специалист в области математической статистики, теории надежности и технической эксплуатации сложных систем. См.: Воробьев Ю. Г. Слово о выдающемся человеке XX и XXI веков. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/slovo-o-vydayuschemsya-cheloveke-xx-i-xxi-vekov> (дата обращения: 07.08.2022); Козлов А. И. О Евгении Юрьевиче Барзиловиче, друге, товарище и коллеге. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-evgenii-yurieviche-barziloviche-druge-tovarische-i-kollege> (дата обращения: 07.08.2022).

⁴⁴Многие специалисты по математической теории надежности («надежники») выросли из «безнадежников» благодаря этой книге.

⁴⁵Ушаков Игорь Алексеевич (1935–2015) – доктор технических наук, профессор, специалист по теории надежности. Создал электронный «Гнеденко – Форум», объединивший ученых разных стран на базе международного электронного журнала в области надежности «Reliability: Theory & Applications». См.: Шубинский И. Б. Игорь Алексеевич Ушаков // Научно-технический журнал «Надежность». 2015. № 1. С. 97. URL: <https://www.dependability.ru/jour/article/view/139/223> (дата обращения: 07.08.2022).

«...Творческий стиль Б. В.: обеспечить наиболее эффективные условия коллективного творчества, создавая действительно научную школу единомышленников. Если тематика перспективна и дорога к успеху просматривается, надо привлекать всех желающих идти по этому пути. Богаче будет урожай. Б. В. Гнеденко всегда щедро делился со своими учениками проблемами, к решению которых он видел подходы» (В. С. Королюк⁴⁶ [8, с. 25]).

«Естественность в поведении, без академического величия, и в то же время интеллектуальное превосходство – всегда были для нас очаровывающими чертами характера Б. В. Он никогда не прощал промахов – как в научном исследовании, так и в решении гражданской проблемы. Однако его замечания никогда не оскорбляли виновника (если он, конечно, служил истине), не унижали и не создавали атмосферы безнадежности. <...> Всегда готовый прийти на помощь – материальную, моральную или научную – Б. В. неизменно осуществлял такую помощь, не придавая своим действиям существенного значения⁴⁷. Это часто вводило в заблуждение его учеников. Им начинало казаться, что они этого заслуживают. <...> Б. В. всегда был естественным в своих благодеяниях и, конечно же, испытывал удовлетворение от свершенных добрых дел. <...>

Б. В. был нетерпим к чиновничеству, подхалимству, подлости и интригам. Здесь он был беспощаден» (В. С. Королюк [8, с. 37, 38]).

«Стремление помочь человеку в сложной жизненной ситуации, сопереживание – особенности характера Бориса Владимировича. Я знаю, что несколько раз при защитах диссертаций Борис Владимирович помогал соискателям с честью выйти из сложных ситуаций» (В. А. Каштанов⁴⁸ [8, с. 115]).

«Лекции по теории вероятностей В. Б. читал блестяще. Он постоянно оттачивал методику изложения, как и одно из главных своих произведений – «Курс теории вероятностей». Доцент А. А. Ильешенко, ведший за ним практические занятия и посещавший его лекции, говорил, что каждый год они читались по-разному» (И. Н. Коваленко⁴⁹ [8, с. 60])⁵⁰.

«Борис Владимирович умел удивительно управлять аудиторией, увлекать ее. Он прекрасно владел паузой, модуляцией голоса, прекрасно чувствовал зал» (И. А. Ушаков [8, с. 121]).

«В своей жизни Б. В. был счастливым человеком. Домашний уют, который создавала Наталия Константиновна, и хорошо организованная личная работа позволяли ему вести активный образ жизни. Он писал книги, руководил аспирантами, проводил заседания исследовательских семинаров, был председателем ученого совета ВАКа и членом методического совета механико-математического факультета

Борис Владимирович Гнеденко: с математикой по жизни (1940-е, 1950-е и 1970-е гг.). На фотографии справа: на доске написаны фамилии его первых учеников

Boris V. Gnedenko: With mathematics through life (1940s, 1950s, and 1970s). In the photo on the right: The names of his first students are written on the board

⁴⁶Королюк Владимир Семёнович (1925 –2020) – доктор физико-математических наук, профессор, академик Академии наук Украинской ССР (1970) и НАН Украины, лауреат многих национальных премий.

⁴⁷М. М. Диесперова вспоминала: «Мы с В. С. Михалевичем поженились, когда еще учились в МГУ. <...> [В Киеве] жить нам было негде, денег снимать квартиру не было, но зато был ребенок. Вот в такой ситуации Борис Владимирович предложил нам жить на его даче в Теофании, <...> где мы жили больше чем полгода» [8, с. 74].

⁴⁸Каштанов Виктор Алексеевич (р. 1934) – доктор физико-математических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, лауреат Государственной премии СССР (1979).

⁴⁹Коваленко Игорь Николаевич (1935–2019) – доктор технических наук, доктор физико-математических наук, профессор, академик АН Украинской ССР (1978, НАН Украины), лауреат Государственной премии СССР (1979).

⁵⁰В беседе со своим немецким учеником Г.-И. Россбергом Б. В. подтвердил: «Каждое повторение должно быть лучше предыдущего варианта». Забавно: оказалось, что эта фраза имела «далеко идущие последствия» для брака Россберга, поскольку его жена была недовольна тем, что он перерабатывает лекции, которые уже читал [8, с. 84].

МГУ, членом редколлегий нескольких журналов, председателем кабинета надежности при Политическом музее и т. д. Он участвовал в работе многих научных всесоюзных и международных конференций. Каждый год в день рождения Б. В. мы приходили к нему отметить вместе с его семьей это событие и начало нового года (**Ю. К. Беляев**⁵¹ [24, с. 115]).

«Квартира Гнеденко всегда поражала меня уютом, атмосферой благожелательности и гостеприимства. <...> Каждый раз посещение дома Бориса Владимировича была для меня праздником. Я с удовольствием погружался в просторное кожаное кресло в кабинете, стены которого заставлены стеллажами, наполненными книгами. В кабинете стоял небольшой рояль, на крышке которого громоздились в видимом беспорядке книги, рукописи, диссертации, фотографии и т. п. Неторопливая беседа с Б. В. создавала неповторимое блаженство общения с умным, внимательным и доброжелательным человеком. Обсуждались последние новости жизни киевской школы вероятностников, бытовые события семейных дел, административная ситуация в Академии наук и Институте математики. Часто я обращался к Б. В. за советом по тому или иному вопросу и всегда получал исчерпывающее, серьезное мнение моего учителя. Чувствовалось, что Б. В. считал себя ответственным за судьбы своих украинских учеников.

Затем следовало приглашение супруги в столовую, где за полукруглым столом собиралась семья. Как правило, у Б. В. я всегда встречал гостей, не только москвичей, но и приехавших из ближнего и дальнего зарубежья. Б. В. нарезал на доске тонкие ломтики твердого сыра. Наталия Константиновна хлопотала с чаем. Стол всегда был обильным и щедрым. Часто на столе появлялись диковинные продукты, привезенные друзьями и учениками Б. В. из разных стран, из Средней Азии и Кавказа. Трудно было покидать гостеприимный дом. Я уходил всегда с чувством восторга и зависти. Уходят годы, исчезают из памяти даже самые невероятные события, а вот общение с учителем сохраняется в душе, создает состояние удовлетворения и праздничности» (**В. С. Королук** [8, с. 39, 40]).

«Борис Владимирович работал буквально до последнего дня своей жизни. Он в последние годы много писал про методику преподавания математики, готовил книгу своих воспоминаний. Вся его жизнь – это незаметный подвиг служения науке» (**И. А. Ушаков** [8, с. 134, 135]).

«Трудно передать ту многогранную, необычайно разностороннюю жизнь, а точнее, множество жизней, которые прожил этот замечательный человек. Заслуги перед Россией его очень велики. Его научные школы в теории вероятностей и ее приложениях, огромное число подготовленных им кадров высшей квалификации, все это в значительной мере определило и определяет теперь научный потенциал фундаментальной и прикладной науки России» (**Р. С. Судаков**⁵² [8, с. 140]).

Б. Гнеденко

Б. В. Гнеденко: «Учителя должны учить учиться»
Boris V. Gnedenko: «Teachers should teach to learn»

Общее число найденных научных, методических и просветительских работ (публикаций) Бориса Владимировича Гнеденко составляет 1300 (с переизданиями) [3].

Заключение

Полноценная историческая палитра немислима без обращения к биографиям конкретных людей, которые жили в рассматриваемой эпохе. Автобиографические воспоминания и биографические описания весьма зримо, в «красках» передают колорит прошедшего времени, те детали, из которых складывалась жизнь отдельных людей, страны в целом. Соотнесение с современностью, взгляд из настоящего в прошлое позволяют тоньше постигать процессы политического и общественного развития, ценны одновременно и для познания ретроспективы, и для понимания происходящих процессов, и для прогностических формулировок.

⁵¹Беляев Юрий Константинович (р. 1932) – доктор физико-математических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР (1979).

⁵²Судаков Ростислав Сергеевич (р. 1936) – доктор технических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР.

Биографии Бориса Владимировича и Глеба Владимировича Гнеденко охватывают более чем 80-летний период истории России XX столетия. В их судьбах видны конкретные преломления условий, в которых они прожили, как они реализовали свою устремленность к образованию и к созидательному творчеству, как проявляли свои высокие моральные качества.

Воспоминания Бориса Владимировича Гнеденко представляют большую ценность для реконструкции истории физико-математического образования в Саратовском университете, рисуя «в лицах» атмосферу, существовавшую в те годы в университете. Саратовский университет может с полным правом гордиться своими выпускниками.

Список литературы

1. В нашей памяти их имена: In memoriam / под ред. Е. Г. Елиной. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2020. 348 с.
2. Гнеденко Б. В. Воспоминания: Моя жизнь в математике и математика в моей жизни / под ред. Д. Б. Гнеденко. Изд. 2-е. М. : ЛЕНАНД, 2015. 624 с.
3. Борис Владимирович Гнеденко. Биография, Библиография: персональная страница на Gnedenko Forum [сайт]. URL: http://www.gnedenko.net/Memorial/Gnedenko/biograph_rus.htm (дата обращения: 25.08.2022).
4. Гнеденко Б. В. Беседа 5 декабря 1983 года // Математики рассказывают. М. : Минувшее, 2005. С. 89–98. URL: <https://oralhistory.ru/talks/orh-862-1> (дата обращения: 28.07.2022).
5. Гнеденко Б. В. Слово, зажигающее сердца // Владимир Васильевич Голубев (к 100-летию со дня рождения) : сборник статей / сост. И. А. Тюлина. М. : Знание, 1984. С. 52–57. (Новое в жизни, науке и технике. Серия «Математика, кибернетика». № 10).
6. Ширяев А. Н. К восьмидесятилетию Бориса Владимировича Гнеденко (интервью) // Теория вероятности и ее применения. 1992. Т. 37, вып. 4. С. 724–746.
7. Сингпурвалла Н., Смит Р. Беседа с Борисом Владимировичем Гнеденко // Reliability & Application. 2006. № 1, January. P. 89–96.
8. Борис Владимирович Гнеденко в воспоминаниях учеников и соратников / под общ. ред. Д. Б. Гнеденко ; сост. Д. Б. Гнеденко, Б. Д. Гнеденко, Е. Д. Гнеденко. 2-е изд. М. : КомКнига, 2011. 192 с.
9. Аникин В. М. Физико-математический факультет Саратовского университета (1917–1945) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Физика. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 64–79. <https://doi.org/10.18500/1817-3020-2018-18-1-64-79>
10. Аникин В. М. «Бифуркационная летопись» физико-математического факультета Саратовского университета. 1917–1945 // Известия вузов. Прикладная нелинейная динамика. 2018. Т. 26, № 6. С. 5–19. <https://doi.org/10.18500/0869-6632-2018-26-6-5-19>
11. Аникин В. М. Профессор астрономии Саратовского университета Иосиф Фёдорович Полак (1881–1954) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Физика. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 144–159. <https://doi.org/10.18500/1817-3020-2020-20-2-144-159>
12. Аникин В. М. Профессор, декан, ректор Саратовского университета Владимир Васильевич Голубев. 1. «...Из университета я вышел с ясным сознанием того, что я буду делать дальше» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Физика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 82–96. <https://doi.org/10.18500/1817-3020-2022-22-1-82-96>
13. Аникин В. М. Профессор, декан, ректор Саратовского университета Владимир Васильевич Голубев. 2. «Двенадцатилетнее пребывание в Саратове сыграло в моей жизни исключительное значение» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Физика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 170–188. <https://doi.org/10.18500/1817-3020-2022-22-2-170-188>
14. Аникин В. М. Профессор, декан, ректор Саратовского университета Владимир Васильевич Голубев. 3. «...Его имя означало блеск, гармонию и красоту» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Физика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 266–284. <https://doi.org/10.18500/1817-3020-2022-22-3-266-284>
15. Аникин В. М. «Волжский» съезд как зеркало развития физических наук в 1920-е годы. К 100-летию основания Российской ассоциации физиков // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90, № 1. С. 81–88. <https://doi.org/31857/S0869587320010028>
16. Усанов Д. А., Аникин В. М. Шестой съезд русских физиков в Саратове (15 августа 1928 г.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Физика. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 153–161. <https://doi.org/10.18500/1817-3020-2019-19-2-153-161>
17. Обзорение преподавания на педагогическом факультете Саратовского государственного имени Н. Г. Чернышевского университета на 1927–28 учебный год. Саратов : Саратовский государственный университет, 1927. 186 с.
18. Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, 1909–1934: материалы по истории СГУ и его кафедр. Юбилейный выпуск / отв. ред. Д. А. Рамзаев. Саратов : [б.и.], 1935. 95 с.
19. Трубецков Д. И., Аникин В. М. Физики на четвертьвековом юбилее Саратовского университета // Известия вузов. Прикладная нелинейная динамика. 2019. Т. 27, № 3. С. 99–106. <https://doi.org/10.18500/0869-6632-2019-27-3-99-106>
20. Прохоров Ю. В., Ширяев А. Н., Манита А. Д. К столетию со дня рождения Б. В. Гнеденко // Теория вероятностей и ее применения. 2013. Т. 58, вып. 1. С. 3–6. <https://doi.org/10.4213/tvp4490>
21. Гнеденко Б. В., Королюк В. С., Ющенко Е. Л. Элементы программирования. М. : Физматгиз, 1961. 348 с.
22. Гнеденко Б. В. Курс теории вероятностей. Изд. 13-е. М. : Издательство URSS, 2022. 456 с. (Серия «Классический университетский учебник»).

23. Ушаков И. А., Аронов И. З., Нетес В. А. К столетию Б. В. Гнеденко – человека и гражданина // Методы менеджмента качества. 2012. № 1. С. 4, 5.
24. Беляев Ю. К. Воспоминания о Борисе Владимировиче Гнеденко // Reliability : Theory & Applications. 2007. Vol. 2, № 2, July. P. 105–111. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospominaniya-o-borise-vladimirovich-gnedenko-1/viewer> (дата обращения: 07.08.2022) (in Russian).

References

1. *V nashey pamyati ikh imena: In memoriam. Pod red. E. G. Elinoi* [Elina E. G., ed. Their names are in our memory: In memoriam]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2020. 348 p. (in Russian).
2. Gnedenko B. V. *Vospominaniya: Moya zhizn' v matematike i matematika v moyey zhizni*. Pod. red. D. B. Gnedenko [Gnedenko B. V., ed. Memoirs: My Life in Mathematics and Mathematics in my Life]. Moscow, LENAND Publ., 2015. 624 p. (in Russian).
3. *Boris Vladimirovich Gnedenko. Biography, Bibliography: Personal page on the Gnedenko Forum [site]*. Available at: https://www.gnedenko.net/Memorial/Gnedenko/biograph_rus.htm (accessed 25 August 2022) (in Russian).
4. Gnedenko B. V. Conversation on December 5, 1983. *Matematiki rasskazyvayut* [Mathematicians Tell]. Moscow, Minuvshee Publ., 2005, pp. 89–98. Available at: <https://oralhistory.ru/talks/orh-862-1> (accessed 28 July 2022) (in Russian).
5. Gnedenko B. V. The word that ignites hearts. In: Tulina I. A., comp. *Vladimir Vasilievich Golubev (to the 100th anniversary of his birth): collection of articles* (New in Life, Science, Technology. Series “Mathematics, Cybernetics”, no. 10). Moscow, Znanie Publ., 1984. 64 p. (in Russian).
6. Shiryaev A. N. On the occasion of the eightieth birthday of Boris Vladimirovich Gnedenko (interview). *Theory of Probability and Its Applications*, 1993, vol. 37, no. 4, pp. 674–691 (in English).
7. Singpurwalla Nozer D. and Smith Richard L. A Conversation with Boris Vladimirovich Gnedenko. *Statistical Science*, 1992, vol. 7, no. 2 (May 1992), pp. 273–283 (in English).
8. *Boris Vladimirovich Gnedenko v vospominaniyakh uchenikov i soratnikov*. Pod red. D. B. Gnedenko, sost. D. B. Gnedenko, B. D. Gnedenko, E. D. Gnedenko [Gnedenko D. B., ed. ; Gnedenko D. B., Gnedenko B. D., Gnedenko E. D., comps. Boris Vladimirovich Gnedenko in Memories of Students and Colleagues. 2nd ed.]. Moscow, KomKniga Publ., 2011. 192 p. (in Russian).
9. Anikin V. M. Faculty of Physics and Mathematics of Saratov State University (1917–1945). *Izvestiya of Saratov University. Physics*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 64–79 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-3020-2018-18-1-64-79>
10. Anikin V. M. “Bifurcation chronicle” of Saratov University Department of Physics and Mathematics. 1917–1945. *Izvestiya VUZ. Applied Nonlinear Dynamics*, 2018, vol. 26, no. 6, pp. 5–19 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/0869-6632-2018-26-6-5-19>
11. Anikin V. M. Professor of Astronomy of Saratov State University Joseph Fedorovich Polak (1881–1954). *Izvestiya of Saratov University. Physics*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 144–159 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-3020-2020-20-2-144-159>
12. Anikin V. M. Professor, dean and rector of Saratov University Vladimir V. Golubev. 1. “...I left the university with a clear awareness of what I would do next”. *Izvestiya of Saratov University. Physics*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 82–96 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-3020-2022-22-1-82-96>
13. Anikin V. M. Professor, dean and rector of Saratov University Vladimir V. Golubev. 2. “The twelve-year stay in Saratov played an exceptional meaning in my life”. *Izvestiya of Saratov University. Physics*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 170–188 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-3020-2022-22-2-170-188>
14. Anikin V. M. Professor, dean and rector of Saratov University Vladimir V. Golubev. 3. “His name meant brilliance, harmony and beauty”. *Izvestiya of Saratov University. Physics*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 266–284 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-3020-2022-22-3-266-284>
15. Anikin V. M. Volga Congress as a mirror of the development of physical sciences in the 1920s. On the 100th anniversary of the founding the Russian Association of Physicists. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk* [Herald of Russian Academy of Sciences], 2020, vol. 90, no. 1, pp. 81–88 (in Russian). <https://doi.org/31857/S0869587320010028>
16. Usanov D. A., Anikin V. M. The Sixth Congress of Russian Physicists in Saratov (August 15, 1928). *Izvestiya of Saratov University. Physics*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 153–161 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-3020-2019-19-2-153-161>
17. *Obozreniye prepodavaniya na pedagogicheskom fakul'tete Saratovskogo gosudarstvennogo imeni N. G. Chernyshevskogo universiteta na 1927–28 uch. god* [Review of Teaching at the Pedagogical Faculty of the Saratov State named after N. G. Chernyshevsky, University for the 1927–28 Academic Year]. Saratov, Izdaniye Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1927. 186 p. (in Russian).
18. *Saratovskiy gosudarstvennyi universitet im. N. G. Chernyshevskogo, 1909–1934: materialy po istorii SGU yego kafedr. Yubileinyi vypusk* [D. A. Ramzaev, ed. Saratov State University. 1909–1934. Materials on the History of SSU and its Departments. Anniversary issue]. Saratov, 1935. 95 p. (in Russian).
19. Trubetskov D. I., Anikin V. M. Physicists at the quarter century anniversary of Saratov University. *Izvestiya VUZ. Applied Nonlinear Dynamics*, 2019, vol. 27, no. 3, pp. 99–106 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/0869-6632-2019-27-3-99-106>
20. Prokhorov Yu. V., Shiryaev A. N., Manita A. D. On the 100th Birthday of B. V. Gnedenko. *Theory of Probability and Its Applications*, 2014, vol. 58, no. 1, pp. 3–6. <https://doi.org/10.4213/tpv4490>
21. Gnedenko B. V., Korolyuk V. S., Yushchenko E. L. *Elementy programmirovaniya* [Elements of programming]. Moscow, Fizmatgiz Publ., 1961. 348 p. (in Russian).

22. Gnedenko B. V. *A course in Probability Theory*. 13th ed. Classic University Textbook Series. Moscow, URSS Publishing House, 2022. 456 p. (in Russian).
23. Ushakov I. A., Aronov I. Z., Netes V. A. To the centenary of B. V. Gnedenko, a man and a citizen. *Methods of Quality Management*, 2012, no. 1, pp. 4–5 (in Russian).
24. Belyaev Yu. K. Memories of Boris Vladimirovich Gnedenko. *Reliability: Theory & Application*, 2007, vol. 2, no. 2, July, pp. 105–111. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospominaniya-o-borise-vladimiroviche-gnedenko-1/viewer> (accessed 16 August 2022) (in Russian).

Поступила в редакцию 31.08.2022; одобрена после рецензирования 15.09.2022; принята к публикации 05.10.2022
The article was submitted 31.08.2022; approved after reviewing 15.09.2022; accepted for publication 05.10.2022